

Голсуорси Джон

Гротески

Джон Голсуорси

Гротески

Перевод М. Лорие

Кивнбов*

{* Со злостью (греч.).}

I

Ангел Эфира, находясь в 1947 году с официальным визитом на Земле, остановился между Английским банком и Биржей выкурить папироску и поглядеть на прохожих.

- Как их много, - сказал он, - и как они быстро бегают - в такой-то атмосфере! Из чего они сделаны?

- Из денег, сэр, - отвечал его гид. - Денег в прошлом, в настоящем или в будущем. На Бирже бум. Барометр радости сильно поднялся. Такого не было уже тридцать лет - да-да, со времени Великой Заварухи.

- Так, значит, между радостью и деньгами есть какая-то связь? - спросил Ангел, тонкой струйкой выпуская дым из своих точеных ноздрей.

- Таково распространенное мнение, хотя доказать это было бы нелегко. Впрочем, я могу попробовать, сэр, если желаете.

- Очень было бы интересно, - сказал Ангел, - потому что на вид это, кажется, самая безрадостная толпа, какая мне встречалась. У каждого между бровей морщина, и никто не насвистывает.

- Вы не понимаете, сэр, - сказал гид, - да оно и не удивительно: радость доставляют не столько деньги, сколько мысль, что когда-нибудь не надо будет больше их наживать.

- Если такой день должен настать для всех, почему же у них не радостный вид? - спросил Ангел.

- Не так это просто, сэр. Для большинства этих людей такой день никогда не настанет, и многие из них это знают - они называются клерки; не настанет он и для некоторых из другой категории - тех назовут банкротами; для остальных он настанет, и они переедут в

Уимблхерст и на прочие Острова Блаженных, но к тому времени они так привыкнут наживать деньги, что без этого жизнь их станет сплошной скукой, если не мукой, или они будут уже в таких годах, что все свои деньги им придется тратить на борьбу со старческими немощами.

- При чем же тогда радость? - спросил Ангел, удивленно вздернув брови. - Ведь, кажется, так принято у вас выражаться?

- Я вижу, сэр, - отвечал гид, - вы еще не успели как следует вспомнить, что такое люди, и особенно та их порода, что населяет эту страну. Иллюзия вот что нам дорого. Не будь у нас иллюзий, мы с тем же успехом могли бы быть ангелами или французами - те хоть в какой-то мере дорожат неприглядной реальностью под названием *le plaisir*, то есть радость жизни. Мы же в погоне за иллюзией только и делаем, что наживаем деньги и морщины между бровей, ибо занятие это утомительное. Я, разумеется, говорю о буржуазии или Патриотических классах, ибо Трудяги ведут себя иначе, хотя иллюзии у них те же самые.

- Не понимаю, - отрезал Ангел.

- Ну как же, сэр, и те и другие тешат себя иллюзией, что когда-нибудь обладание деньгами принесет им радость; но в то время как Патриоты надеются нажить деньги трудом Трудяг, Трудяги надеются нажить их трудами Патриотов.

- Ха-ха, - сказал Ангел.

- Ангелам хорошо смеяться, - возразил гид, - а вот люди от этого плачут.

- Вам, на месте, наверно, виднее, как поступать, - Оказал Ангел.

- Ах, сэр, если бы так! Мне часто приходится наблюдать лица и повадку здешних жителей, и я вижу, что радость, какую доставляет им погоня за иллюзией, - недостаточная награда за их скученную, однообразную и беспокойную жизнь.

- Некрасивые они, что и говорить, - сказал Ангел.

- Верно, - вздохнул гид, - и с каждым днем все дурнеют. Взгляните хоть на этого, - и он указал на господина, поднимавшегося по ступеням Биржи. Обратите внимание на его фигуру. Седеющая голова к макушке сужена, книзу расширяется. Туловище короткое, толстое, квадратное; ноги и того толще, а ступни вывернуты наружу; общим видом напоминает пирамиду. А этот? - Он указал на

господина, спускавшегося по ступеням. - Ноги и туловище его можно протащить сквозь игольное ушко, а вот голову протащить не удастся. Обратите внимание: ячмень на глазу, сверкающие очки и полное отсутствие волос. Внешняя несоразмерность - это сейчас своего рода эпидемия, сэр.

- А исправить это нельзя? - спросил Ангел,

- Чтобы исправить недостаток, нужно сперва его осознать, а они этого не признают, так же как не признают, что несоразмерно проводить шесть дней из каждых семи в конторе или на заводе. Человек, сэр, - это раб привычки, а когда привычки у него плохие, сам он и того хуже.

- У меня разболелась голова, - сказал Ангел. - Шум просто оглушительный. Когда я прилетал сюда в тысяча девятьсот десятом году, такого не было.

- Да, сэр. Мы с тех пор пережили Великую Заваруху, а после нее погоня за деньгами превратилась в какое-то неистовство. Как и другие люди, мы теперь вынуждены изощряться в искусстве приравнять дважды два к пяти. Это значительно ускорило развитие цивилизации и пошло на пользу всему, кроме человека, - даже лошадям, поскольку их больше не заставляют возить непосильные тяжести на Тауэр-Хилл или какие-либо другие холмы.

- Как это может быть, - спросил Ангел, - если работы стало больше?

- А они вымерли, - сказал гид. - Как видите, их полностью заменила электрическая тяга и воздушное сообщение.

- Вы как будто настроены враждебно к деньгам? - перебил Ангел, бросив на него испытующий взгляд. - Скажите, неужели вы в самом деле предпочли бы иметь шиллинг, а не пять шиллингов и шесть пенсов?

- Сэр, - отвечал гид, - вы, как говорится, начинаете не с того конца. Ведь деньги - это всего лишь возможность покупать то, что хочешь. Вам следовало бы спросить, чего я хочу.

- Ну, чего же вы хотите? - спросил Ангел.

- По-моему, - отвечал гид, - когда мы оказались банкротами, нам бы следовало попытаться не умножать количество денег, а сократить свои потребности. Путь истинного прогресса, сэр, - это упрощение жизни и желаний вплоть до того, чтобы отказаться от брюк и носить

одну чистую рубашку, доходящую до колен, довольствоваться передвижением на собственных ногах по твердой земле; есть простую пищу, самими нами выращенную; слушать собственный голос да напевы свирели; чувствовать на лице солнце, дождь и ветер; вдыхать аромат полей и лесов; иметь скромную крышу над головой и милостивую жену, не испорченную высокими каблуками, жемчугом и пудрой; смотреть, как резвятся домашние животные, слушать певчих птиц и растить детей, приучая их к воде, холоднее той, в какой купались их отцы. Нам следовало бы добиваться здоровья до тех пор, пока не отпадет нужда в аптеках и оптиках, в парикмахерах, корсетницах, всяких салонах красоты, где нас штопают и латают, угождая нашим прихотям и скрывая уродства, которыми современная жизнь наделила наши лица и фигуры. Самой нашей честолюбивой мечтой должно было стать такое сокращение своих потребностей, чтобы при современных научных знаниях производить все необходимое быстро и без труда и, имея достаточный досуг, крепкие нервы и здоровое тело, наслаждаться природой, искусством и семейными привязанностями. Трагедия человека, сэр, в его бессмысленном, ненасытном любопытстве и жадности, а также в неизлечимой привычке пренебрегать настоящим во имя будущего, которое никогда не наступит.

- Вы говорите как по писаному, - заметил Ангел.

- К сожалению, нет, - возразил гид. - Ни в одной книге, какие мне удалось раздобыть, не написано, что мы должны прекратить это безумие и обратиться к приятной простоте, которая одна только и сулит нам спасение.

- За одну неделю все это вам до смерти надоеет, - сказал Ангел.

- Верно, сэр, но только потому, что нас с юных лет воспитывают в духе неумеренного стяжательства и конкуренции. А возьмите младенца в колясочке, поглощенного созерцанием неба и сосанием собственного пальца. Вот такой, сэр, и должна быть жизнь человека.

- Красивая метафора, - сказал Ангел.

- А сейчас мы только и делаем, что резвимся на катафалке жизни.

- Вы как будто принадлежите к числу тех, кто взял себе девизом "Старайся никогда не оставлять вещи такими, какими ты их нашел", - заметил Ангел.

- Ах, сэр! - отвечал гид с печальной улыбкой. - Доля гида скорее в том, чтобы стараться найти вещи там, где он их оставил.

- Да, кстати, - мечтательно протянул Ангел, - когда я был здесь в девятьсот десятом, я купил несколько акций Маркони, они тогда шли на повышение. А как они сейчас?

- Право, не знаю, - отвечал гид холодно и осуждающе, - но одно могу вам сказать: изобретатели не только благодетели человечества, но и его проклятие, и так будет до тех пор, пока мы не научимся соотносить их открытия с нашей весьма ограниченной способностью усвоения. Наша цивилизация страдает хронической диспепсией, вызванной попытками проглатывать любую пищу, какую преподносит ей человеческая изобретательность, и эта болезнь приняла столь тяжелую форму, что я иногда начинаю сомневаться, доживем ли мы до вашего посещения в тысяча девятьсот восемьдесят четвертом году.

- Ах, так! - насторожился Ангел. - Вы правда не уверены?

- Не уверен, - ответил гид угрюмо. - Вся жизнь сейчас - сплошной телефонный звонок, а о чем идет речь? Кружение во мраке! Грохот колес под небом из дыма! Нескончаемая партия в покер!

- Признайтесь, - сказал Ангел, - вы сами отведали чего-то недоброкачественного?

- Вот именно, - сказал гид. - Я отведал современности, самого паршивого блюда. Вы только посмотрите на этих несчастных, - продолжал он, - суетятся, как муравьи, с девяти утра до семи вечера. А посмотрите на их жен!

- Правильно, - приободрился Ангел, - давайте посмотрим на их жен! - И тремя взмахами крыльев он перенесся на Оксфорд-стрит.

- Посмотрите на них! - повторил гид. - Суетятся, как муравьи, с десяти утра до пяти вечера.

- Про них мало сказать, что они некрасивы, - сказал Ангел печально. Что это они все бегают из одной магазинной норки в другую? Что им нужно?

- Иллюзия, сэр. Там - романтика бизнеса, здесь - романтика покупок. Это вошло у них в привычку, а вы ведь знаете, привыкнуть куда легче, чем отвыкать. Хотите заглянуть к одной из них в дом?

- Нет-нет, - ответил Ангел и, отшатнувшись, налетел на шляпу какой-то дамы. - Зачем они их носят такие большие? - спросил он с

досадой.

- Затем, чтобы в будущем сезоне можно было носить маленькие. Все для будущего, сэр, все для будущего! Цикл красоты и вечной надежды, а заодно и процветание торговли. Усвойте смысл этих слов, и о дальнейшем вам уже не придется спрашивать, да, вероятно, и не захочется.

- Тут, наверно, можно купить американских конфет, - сказал Ангел и вошел в кондитерскую.

II

- Куда вам хотелось бы направиться сегодня, сэр? - спросил гид Ангела, который, стоя посреди Хэймаркет, поводит головой из стороны в сторону, как верблюды.

- Мне хочется в деревню, - ответил Ангел.

- В деревню? - переспросил гид с сомнением. - Там неинтересно.

- А я хочу, - сказал Ангел и расправил крылья.

- Вот Чилтернские холмы, - выдохнул гид после нескольких минут стремительного полета. - Это нам подойдет. В деревне сейчас повсюду одинаково. Будем снижаться?

Они опустились на какой-то луг, судя по всему, деревенский выгон, и гид, стерев со лба облачную влагу, заслонил рукой глаза и стал вглядываться в даль, медленно поворачиваясь вокруг своей оси.

- Так я и думал, - сказал он. - Ничего не изменилось с сорок четвертого года, я тогда привозил сюда премьера. С завтраком мы тут помучаемся.

- Удивительно тихое местечко! - сказал Ангел.

- Что правда, то правда. Можно пролететь шестьдесят миль в любом направлении и не встретить ни одного обитаемого дома.

- Попробуем! - сказал Ангел.

Они пролетели сто миль и снова опустились на землю.

- И тут не лучше! - сказал гид. - Это Лестершир. Обратите внимание: холмистая местность, дикие пастбища.

- Я проголодался, - сказал Ангел. - Полетим дальше.

- Я вас предупреждал, сэр, - заметил гид, когда они опять пустились в полет, - что в деревне нам будет чрезвычайно трудно найти обитаемый дом. Может быть, лучше посетим Блектон или Брэдлидс?

- Нет, - сказал Ангел. - Я решил провести день на свежем воздухе.

- Черники хотите? - спросил гид. - Вон там какой-то человек ее собирает.

Ангел сложил крылья, и они плюхнулись на болотистую поляну возле дряхлого, оборванного старика.

- О, достойнейший из людей! - сказал Ангел. - Мы голодны. Не поделишься ли ты с нами черникой?

- Ой, батюшки! - воскликнул старый хрыч. - Вы откуда взялись? Верно, по радио прилетели? И наблюдатель при вас. - Он мотнул на гида подбородком в седой щетине. - Убей меня бог, совсем как в доброе старое время Великой Заварухи.

- Это диалект сельской Англии? - спросил Ангел, у которого губы уже посинели от черники.

- Сейчас я опрошу его, сэр, - сказал гид. - Сказать по правде, я затрудняюсь объяснить присутствие человека в сельской местности.

Он ухватил старика за единственную еще державшуюся пуговицу и отвел его в сторонку. Потом, вернувшись к Ангелу, который тем временем покончил с черникой, прошептал:

- Так я и думал. Это последний из тех солдат, которых поселили в деревне после окончания Великой Заварухи. Он питается черникой и теми птицами, что умирают естественной смертью.

- Ничего не понимаю, - сказал Ангел. - А где же сельское население, где поместья великих мира сего, где процветающий фермер, довольный судьбой поселянин, батрак, что вот-вот добьется минимальной заработной платы? Где веселая старая Англия девятьсот десятого года?

- Вот, - отвечал гид, мелодраматическим жестом указывая на старика, вот наше сельское население: бывший житель Лондона, закаленный в Великой Заварухе. Другой бы не выдержал.

- Как! - вскричал Ангел. - И на всей этой земле ничего не растут?

- Ни одного кочна, - отвечал гид. - Ни горчичного семечка, ни стебелька салата. Разве что в городах.

- Я вижу, что много интересного прошло мимо меня. Прошу вас, обрисуйте мне вкратце положение в сельском хозяйстве.

- Да что ж, сэр, положение в сельском хозяйстве нашей страны со времен Великой Заварухи, когда все толковали о том, чтобы снова заселить деревню, можно описать двумя словами: "рост городов". Однако, чтобы это стало вам ясно, мне придется напомнить вам

политическую историю страны за последние тридцать лет. Вы, вероятно, не помните, что в дни Великой Заварухи при всем кажущемся отсутствии политической борьбы уже зарождались партии будущего. Во всех умах назревало тайное, но непреклонное решение принести в жертву тех, кто играл какую-либо роль в политике до и во время только что разыгравшейся всемирной трагедии, в особенности же тех, кто продолжал занимать министерские посты или упорно задавал вопросы в палате общин, как это учреждение тогда называлось. Не то чтобы их считали ответственными за трагедию, но просто нужно было успокоить нервы, а вы ведь знаете, сэр, ничто не действует так успокоительно, как человеческое жертвоприношение. Итак, политические деятели, как говорится, вышли из моды. Разумеется, едва был заключен мир, как состоялись первые действительно всеобщие выборы, и прежние партии с огорчением убедились, что их выбросили за борт. На первое место в стране вышли те партии, что тихо и без шума сложились к этому времени. Одна из них называла себя Патриотической, а противники называли ее Прусской; вторая называла себя Трудягами, а противники называли ее Бродягами. Представители их были почти все новые люди. После недолгого упоения миром, с которым человеческий ум привык связывать изобилие, и своеобразных правительств этого периода две новые партии вышли на сцену с такими равными силами, что ни один кабинет не мог провести ни одного мероприятия. А поскольку необходимо было изыскивать проценты на государственный долг, достигавший 8 000 000 000 фунтов стерлингов, пришлось назначить новые выборы. Слово "мир" в это время еще держалось, но слово "изобилие" уже давно исчезло из обихода; и партия Трудяг, решив, что раз у нее меньше имущества, подлежащего обложению налогами, то она может меньше церемониться с налогообложением, оказалась в подавляющем большинстве. Вам будет небезынтересно узнать, сэр, из каких элементов сложилась эта партия. Основную ее массу составляли бывшие солдаты и другие рабочие люди; но в виде некоего придатка, или хвоста, в нее вошли также многие ученые мужи. Люди, преисполненные самых благих намерений, люди с головой и с принципами, - в прежние времена таких называли радикалами и передовыми либералами. Вошли они в эту партию с горя, понимая, что иначе самое их существование окажется под угрозой. Такой

расстановкой сил - и еще некоторыми обстоятельствами, о которых вы скоро узнаете, сэр, - и объясняется печальная участь деревни. Дело в том, что партия Трудяг, не считая ее хвоста, на который она то ли не смогла, то ли не захотела сесть - этого мы уже никогда не узнаем, придерживалась таких же взглядов на заселение деревни, что и Патриоты, и уже начала проводить в жизнь некий план, на который в течение примерно года возлагали большие надежды. В подходящих для сельского хозяйства местностях поселили множество энтузиастов и как будто даже стали добиваться такого положения, при котором страна могла бы сама себя прокормить. Но не пробыли Трудяги у власти и полутора лет, как их хвост - а в нем, как я уже сказал, были заключены почти все их принципы - заболел этими самыми принципами в тяжелейшей форме. Они решили, что "свобода торговли" - которая, что ни говорите, есть линия наименьшего сопротивления и основана на "процветании торговли" - находится в опасности, и стали агитировать против возобновления премий и льгот для сельского хозяйства. В результате премия на пшеницу не прошла, а вместо этого была расширена - на бумаге - система небольших наделов. Одновременно под тяжестью налогов на имущество стали разваливаться крупные поместья. По мере того как все очевиднее становилось банкротство и истощение всей Европы, опасность новой войны казалась все менее реальной, и, англичане снова перестали заботиться о чем-либо, кроме "процветания торговли". Импортные продукты питания опять подешевели. И неизбежное случилось. Загородные усадьбы стали непосильным грузом для своих владельцев, фермеры фермерствовали в убыток, мелкие арендаторы, что ни день, разорялись и уходили куда глаза глядят, батраки устремились в города. И тогда партия Трудяг, которая непомерными налогами довела своих противников до полного остервенения, получила, образно выражаясь, по шапке, и следующие четыре года были заполнены самой жестокой междоусобицей, какую только запомнят журналисты. Во время этой борьбы усилилась эмиграция и сельские районы почти опустели. Когда наконец партия Трудяг одержала победу, она, по-прежнему руководимая своим хвостом, обязалась среди всего прочего делать ставку исключительно на города. С тех пор она так и стоит у власти, а результаты вы сами видели. Все продукты питания нам доставляют из-за моря, причем значительную часть - на подводных лодках и по

воздуху. Перевозят их в таблетках, а доставив на место, раздувают до первоначальных размеров с помощью хитроумного метода, предложенного одним немцем. Деревня же используется лишь как тема для сентиментальных поэтов и как место, над которым летают, либо куда влюбленные субботними вечерами уезжают на велосипедах.

- Mon Dieu {Боже мой! (франц.)}, - задумчиво протянул Ангел. Наверно, именно в таких случаях и принято говорить: "Ах, какой сюрприз!"

- Совершенно справедливо, сэ. Люди до сих пор не опомнятся, как такое могло произойти. Отличный пример того, что может случиться, когда заезаешься, - даже с англичанами, которым вообще-то в этом смысле очень везло. Ведь не забывайте, все партии, даже ученые мужи, всегда превозносили сельскую жизнь и уверяли, будто всячески ей содействуют. Но они забыли об одной мелочи: что наши географические условия, традиции, воспитание и имущественные интересы так способствуют жизни в городах и "процветанию торговли", что отклониться от этой линии наименьшего сопротивления можно лишь ценою нешуточных и отнюдь не парламентских усилий. Да, это прекрасная иллюстрация той нашей характерной черты, о которой я толковал вам на днях: очень уж мы задним умом крепки. Но чего же от нас и ожидать, пока у нас есть туман и принципы? Лучше быть хлипким горожанином без здоровья, но с высокими политическими принципами, чем здоровым продуктом излюбленной отрасли народного хозяйства. Но вы еще не видели другой стороны медали.

- О чем вы? - спросил Ангел.

- Ну как же, сэ, о грандиозном росте городов. Это я покажу вам завтра, если пожелаете.

- А Лондон разве не город? - шутливо заметил Ангел.

- Лондон? - воскликнул гид. - Что вы, это всего лишь дачное местечко. В какой настоящий город вас свозить? Хотите в Ливерчестер?

- Куда угодно, - сказал Ангел, - лишь бы там можно было хорошо пообедать. - И, расплатившись с сельским населением милостивой улыбкой, он расправил крылья.

III

- Время еще не позднее, - сказал Ангел Эфира, выходя из ресторана "Белый Олень" в Ливерчестере, - а я, кажется, немного переел. Давайте пройдемся, посмотрим город.

- С удовольствием, сэр, - отозвался гид. - Сейчас между ночью и днем нет никакой разницы: ведь для производства электрической энергии теперь используется прилив.

Ангел записал эти сведения в свою книжечку.

- Чем заняты здешние предприятия? - спросил он.

- Весь город, который теперь простирается от прежнего Ливерпуля до прежнего Манчестера (что видно из его названия), занят расширением пищевых таблеток, которые доставляют в его порт из Новых Светов. Уже несколько лет Ливерчестер и Бристер (простирающийся от прежнего Бристоля до прежнего Глостера) удерживают монополию на расширение пищи в Соединенном королевстве. - А как это делается? - спросил Ангел.

- Благоприятная среда и бактериология, - отвечал гид.

Некоторое время они шли молча, изредка взлетая там, где улицы были особенно грязные; потом Ангел снова заговорил:

- Очень любопытно. Я не замечаю никакой разницы между этим городом и теми, что я видел, когда был здесь в девятьсот десятом году, - только вот улицы лучше освещены, но радости от этого мало: они страшно грязные и полны людей, чьи лица мне не нравятся.

- Да, сэр, - вздохнул гид, - трудно было ожидать, что чудесный мрак, который окутывал нас во времена Великой Заварухи, продержится долго. Вот тогда и вправду можно было тешить себя надеждой, что все дома построены Кристофером Реном, а все люди чистые и красивые. Поэзии теперь не осталось.

- Ни малейшей! - подтвердил Ангел и потянул носом. - Зато атмосфера есть, и не слишком приятная.

- Где скапливается много людей, там всегда пахнет, - сказал гид. - Тут уж ничего не поделаешь. Старое платье, пачули, бензин, жареная рыба и дешевые папиросы - это пять необходимых ингредиентов человеческой жизни, и перед ними атмосфера Тернера и Королевские игрушки.

- Но разве не в вашей власти устроить жизнь в городах по своему вкусу?

- Что вы, сэр! Это встретило бы ужасающее сопротивление. Мы сами у них во власти. Вы поймите, они такие большие и пользуются таким престижем! Да, кроме того, - добавил он, - даже если бы у нас хватило смелости, мы бы не знали, как за это взяться. Правда, когда-то один великий и добрый человек привез нам платаны, но вообще-то мы, англичане, выше того, чтобы брать от жизни лучшее, и мы презираем легкомысленный французский вкус. Обратите внимание, какому принципу подчинен весь этот жилой район, что тянется на двадцать миль. Он был задуман в таком веселеньком стиле, а посмотрите, какой получился серьезный! Сразу видно, что эти жилища принадлежат к виду "дом", и в то же время это особняки, вот так же, как все люди принадлежат к виду "человек" и в то же время у каждого, как говорится, своя душа. Этот принцип был введен на Авеню-Род за несколько лет до Великой Заварухи и сейчас утвердился повсеместно. Если у человека точно такой же дом, как у кого-то другого, с ним не знают. Видали вы что-нибудь более глубокомысленное и педантичное?

- А к домам рабочих этот принцип тоже относится? - поинтересовался Ангел.

- Тсс! - прошептал гид, боязливо оглянувшись через плечо. - Это опасное слово, сэр. Трудяги живут во дворцах, построенных по проекту архитектора Халтурри, с общими кухнями и ванными.

- И они ими пользуются? - спросил Ангел не без живости.

- Пока еще нет, - отвечал гид, - но, кажется, подумывают об этом. Вы же знаете, сэр, на то, чтобы внедрить обычай, нужно время. А тридцать лет какой же это срок?

- Японцы - те моются каждый день, - задумчиво протянул Ангел.

- Не христианский народ, - пожал плечами гид, - К тому же у них там и грязи-то настоящей нет, не то что здесь. Не будем слишком строги - откуда же и взяться тяге к омовениям, когда знаешь, что скоро опять будешь грязным? Вовремя Великой Заварухи, когда была введена военная дисциплина и тем самым отменены касты, многие наивно полагали, что привычка мыться охватит наконец-то все население. И как же мы были удивлены, когда случилось нечто совсем иное! Трудяги не стали мыться больше, зато Патриоты стали мыться меньше. Может быть, причиной тому было вздорожание мыла, а может, просто человеческая жизнь в то время не очень высоко

ценилась. Этого мы уже не узнаем. Но верно одно: лишь когда военная дисциплина была отменена, а касты возродились, что произошло немедленно по заключении мира, - лишь тогда те из Патриотов, которые остались в живых, снова стали неумеренно мыться, а Трудягам предоставили держаться уровня, более соответствующего демократии.

- Кстати, об уровне, - сказал Ангел, - как средний человеческий рост, увеличивается?

- Напротив, - отвечал гид. - По данным статистики, он за последние двадцать пять лет уменьшился на полтора дюйма.

- А продолжительность жизни?

- Ну, что до этого, так грудных детей и стариков лечат теперь на общественный счет, и те болезни, что излечиваются лимфой, можно сказать, побеждены.

- Значит, люди не умирают?

- Что вы, сэр! Умирают примерно так же часто, как и раньше. Есть много новых болезней, так что равновесие сохраняется.

- Какие же это болезни?

- Целая группа их, для удобства называемая Наукоцит. Одни считают, что их вызывает нынешняя система питания; другие объясняют их скоплением лимфы в организме; еще другие видят в них результат непомерного внимания, какое им уделяется, - своего рода гипноз смерти; четвертая школа приписывает их влиянию городского воздуха, а пятая полагает, что они попросту проявление зависти со стороны природы. Можно с уверенностью сказать, что начались они со времени Великой Заварухи, когда человеческий ум с некоторой тревогой обращался к статистике, а младенцы были в большой цене.

- Так, значит, население сильно увеличилось?

- Вы хотите сказать, уменьшилось, сэр? Нет, пожалуй, не так сильно, как можно было ожидать, но все же цифра уже достаточно низкая. Видите ли, партия Патриотов, включая даже тех служителей церкви, чья личная практика отнюдь этому не содействовала, сразу стала ратовать за усиленное размножение. Но пропаганда их, если можно так выразиться, шла от ума, и немедленно наскочила - простите за грубое слово - на экономическое положение. Правда, уже родившиеся младенцы были спасены; хуже то, что младенцы заартачились и не стали рождаться. Это наблюдалось, разумеется, и во

всех других странах Европы, кроме той, что все еще считалась в некотором роде Россией; и если бы эта последняя сохранила свои пищевые ресурсы, она одной своей численностью скоро затопила бы всю остальную Европу. Но этого не случилось - пожалуй, оно и к лучшему. Среди обитателей всех стран Центральной и Западной Европы развилось неодолимое отвращение к тому, чтобы производить пушечное мясо и налагать на себя новое бремя, когда они и так уже были до предела обременены налогами; и в Англии в худшие годы кривая шла вниз так стремительно, что если бы только Патриоты хоть раз удержались у власти достаточно долго, они, несомненно, ввели бы зачатие под страхом смерти. Но не успели - к счастью или к несчастью, это кто как считает. И неизбежная реакция, которая начала ощущаться позднее, когда население Соединенного королевства уже сократилось миллионов до тридцати, была вызвана причинами более естественными. Примерно в это время стала возрождаться торговля. Земельный вопрос уладился, вернее, о нем просто перестали говорить, и люди снова увидели впереди возможность содержать семью. "Процветание торговли", а также врожденное пристрастие как мужчин, так и женщин к мелким домашним любимцам сделали свое дело: население стало быстро расти. Воскресла радость жизни и уверенность в том, что за нее не придется платить слишком дорого, и трущобы, как они тогда назывались, снова закишели детьми, а общественные ясли заполнились. И если бы не то обстоятельство, что все люди, физически крепкие или любящие свежий воздух, по достижении восемнадцати лет незамедлительно эмигрировали в сестринские страны, мы с вами, сэры, были бы свидетелями перенаселения, подобного тому, какое существовало перед Великой Заварухой. В настоящее время эта тенденция еще усилилась ввиду приближения новой, Превеликой Заварухи в воздухе, ибо все ожидают бурного расцвета торговли и прироста богатства в тех странах, которым посчастливится спокойно взирать на эту "новую великую трагедию", как ее уже рекламируют издатели.

- Во всем этом есть что-то нечистоплотное, - сказал Ангел Эфира.

- Сэр, - возразил гид серьезно, - замечание ваше характерно для жителя неба, где народ не создан из плоти и крови, не платит, насколько мне известно, налогов и не пережил опустошительных

последствий войны. Я отлично помню - в моей молодости, до Великой Заварухи, и даже еще несколько лет после ее начала, как бойко руководители общественного мнения рассуждали о прогрессе человечества и как они недооценивали того обстоятельства, что прогресс в известной степени связан со средой. Вспомните, ведь со времени этого важного и, как многие до сих пор считают, в общем-то трагического события среда была очень зыбкой, а Утопия все больше растворялась в тумане. Уже не раз было отмечено, что руководители общественного мнения не всегда оказываются пророками. Новому миру, о котором так авторитетно вещали наши мудрецы, скоро исполнится тридцать лет, и я лично считаю, что он мог бы получиться еще куда хуже. Но, простите, я, кажется, пустился в отвлеченные рассуждения. Это пагубное влияние пригородов: они располагают к философствованию. Давайте-ка лучше двинемся дальше и посмотрим Трудяг за их трудом, который теперь никогда не прерывают такие случайные явления, как ночь.

Ангел прибавил скорости, и вскоре они опустились на землю среди леса высоких труб, чьи гудки пели, как целый хор соловьев.

- Сейчас новая смена, - сказал гид. - Постоим здесь, сэр. Мы увидим, как они входят и выходят.

Трудяги шли не торопясь, перебрасываясь короткими словами: "Как жизнь?", "Всего!" и "Пока!".

Некоторое время Ангел смотрел на них молча, потом сказал:

- Я сейчас вспомнил, как они разговаривали в девятьсот десятом году, когда отделявали мою квартиру.

- Будьте добры, сэр, изобразите, - попросил гид. Ангел позой и жестами показал, будто красит дверь.

- "Уильям, - заговорил он, подражая голосам из прошлых времен, - много тебе платят?"

"Ого".

"Раз так, Уильям, бросай-ка инструмент да иди туда, где платят лучше. Я и то собираюсь".

"Ага".

"Я вот тут же, за углом, могу получить больше и кончать буду раньше. Очень надо работать за гроши, когда можно получить больше! А Генри много получает?"

"Ого".

"Получать, сколько сейчас, - это, по-моему, дело нестоящее".

"Ага".

Тут Ангел умолк и задвигал рукой, мастерски изображая движения маляра.

- Очень сомнительно, сэр, - сказал гид, - что вам разрешили бы в наши дни так часто отвлекаться от разговора ради работы: правила теперь очень строгие.

- Значит, тред-юнионы до сих пор существуют? - спросил Ангел.

- Тред-юнионов нет, - ответил гид, - но зато есть комитеты. Эта привычка, возникшая во время Великой Заварухи, с тех пор только укрепилась. Статистика показывает, что в стране почти не найти человека в возрасте от девятнадцати до пятидесяти лет, который не состоял бы в каком-нибудь комитете. Во время Великой Заварухи все комитеты считались активными; сейчас есть и активные и пассивные. В каждой отрасли промышленности, в каждой профессии руководит небольшой активный комитет; а большой пассивный комитет, куда входят все остальные, противится этому руководству. И можно с уверенностью сказать, что пассивные комитеты активны, а активные пассивны; это гарантия против слишком интенсивной работы. В самом деле, если бы почти все функции руки не перешли к языку и электрической кнопке, государство вообще не могло бы добиться никакой работы. Впрочем, на пенни личных впечатлений лучше трех лекций по десяти шиллингов за билет, так что вы войдите, сэр, и убедитесь собственными глазами.

Он толкнул дверь, и они вошли.

В ангаре, простиравшемся вдаль, насколько хватал даже ангельский глаз, работали, соревнуясь друг с другом, языки и машины, так что озон дрожал от громкого, неумолчного гула. Сонмы мужчин и женщин, прислонившись к стенам или к колоннам, поддерживающим высокую крышу, прилежно нажимали кнопки. От приятного запаха разбухающей пищи у Ангела снова разыгрался аппетит.

- Я еще думаю поужинать, - сказал он мечтательно.

- Конечно, сэр, - согласился гид, - не все же работать, надо и повеселиться. Вам представится случай посмотреть современные развлечения наших крупных промышленных центров. Но какое же благо эта электрическая энергия! - добавил он. - Посмотрите на этих птиц небесных, они не сеют, не жнут...

- Но Соломон во всей славе своей, - живо подхватил Ангел)- пари держу, не выглядел так, как они.

- Да, беззаботный народец, - протянул гид. - Как звонко они смеются! Эта привычка сохранилась со времен Великой Заварухи, - тогда только смехом и можно было спастись.

- Скажите, - осведомился Ангел, - довольны наконец англичане положением в своей промышленности и вообще своим образом жизни в этих разросшихся городах?

- Довольны? О нет, сэр, конечно, нет! Но вы же их знаете. Им приходится ждать каждого нового поворота событий, чтобы понять, с чем надо бороться; а поскольку великая движущая сила "процветание торговли" всегда немножко перевешивает силы критики и реформ, каждый новый поворот событий увлекает их немножко дальше по дороге к...

- К черту! - воскликнул Ангел. - Я опять хочу есть. Пошли ужинать!

IV

- Смех, - сказал Ангел Эфира, поднося рюмку к носу, - всегда отличал человека от всех других животных, кроме собаки. А способность смеяться неизвестно чему отличает его даже от этого четвероногого.

- Я бы пошел дальше, сэр, - подхватил гид, - я бы сказал, что способность смеяться тому, от чего должно переворачиваться сердце, отличает англичанина от всех других разновидностей человека, кроме негра. Поглядите вокруг себя!

Он встал и, обхватив Ангела за талию, повел его фокстротными па между столиками.

- Видите? - И он указал на ужинающих круговым движением бороды. - Они хохочут до упаду. Обычай фокстротировать в перерывах между едой был введен американцами в прошлом, поколении в начале Великой Заварухи, когда этой немаловажной нации еще нечем было себя занять; но в нашей стране он все еще вызывает смех. Очень огорчительный обычай, - добавил он, отдуваясь, когда они вернулись к своему столику. - Мало того, что он не дает устрицам спокойно улечься в желудке, он еще мешает отнестись серьезно к роду человеческому. Правда, это и вообще стало почти невозможно с тех пор, как мюзик-холл, кинематограф и ресторан слились воедино.

Очень удачная берлинская выдумка, и какая прибыльная! Прошу вас, посмотрите минутку - но не дольше - на левую эстраду.

Ангел обратил взор к экрану, на котором показывали фильм. Некоторое время он смотрел на него молча и наконец произнес:

- Я не понимаю, зачем этот человек с укороченными усами бьет стольких людей подряд мешком с мукой.

- Чтобы вызвать веселье, сэр, - отвечал гид. - Посмотрите вокруг - все смеются.

- Но это не смешно, - сказал Ангел.

- Разумеется, нет. А теперь, будьте любезны, перенесите свое внимание на другую эстраду, справа, но ненадолго. Что вы там видите?

- Я вижу, что человек с очень красным носом осыпает тумаками человека с очень белым носом.

- Умора, да и только, правда?

- Нет, - отвечал Ангел сухо. - И ничего другого на этих эстрадах не показывают?

- Ничего. Хотя, впрочем, нет. Показывают ревю.

- Что такое ревю? - спросил Ангел.

- Критика жизни, сэр, в том виде, как жизнь представляется людям, опьяненным сразу несколькими наркотиками.

- Вот это может быть забавно.

- Так оно считается. Но я лично предпочитаю критиковать жизнь про себя, особенно когда я пьян.

- А опер и пьес теперь нет? - спросил Ангел, уткнувшись в рюмку.

- В прежнем, полном смысле этого слова - нет. Они исчезли к концу Великой Заварухи.

- Какая же теперь есть пища для ума? - спросил Ангел, глотая еще одну устрицу.

- Если она и есть, сэр, то ее поглощают не на людях. Ибо с той самой поры люди прониклись убеждением, что только смех благоприятствует коммерции и отгоняет мысль о смерти. Вы, сэр, конечно, не помните, а я-то помню, какие толпы валили в театры, мюзик-холлы и кинематографы в дни Великой Заварухи и какое веселье царило на Стрэнде и в дорогих ресторанах. Я часто думаю, добавил он глубокомысленно, - каких же высот цивилизации мы

должны были достигнуть, чтобы уходить в Великую Неизвестность с шуткой на губах!

- А англичане так и делали во время Великой Заварухи? - спросил Ангел.

- Именно так, - ответил гид торжественно,

- Стало быть, они замечательный народ, за это я могу простить им многое, что меня в них огорчает.

- Да, сэр, хотя я, будучи сам англичанином, склонен порой отзываться об англичанах неодобрительно, все же я убежден, что, летайте вы хоть неделю, все равно вам не найти другого народа, наделенного таким своеобразным благородством и такой непобедимой душой, - да позволено мне будет употребить это слово, смысл которого вызывает столько споров. Не соблазнитесь ли разинькой? - добавил он уже веселее. - Эту породу устриц привозят нам из Америки в отличной сохранности. По-моему, гадость ужасная.

Ангел взял разиньку и долго ее заглядывал.

- О господи! - произнес он наконец.

- Вот именно. Но прошу вас, взгляните опять на правую эстраду. Сейчас там идет ревю. Что вы видите?

Ангел сложил колечками большие и указательные пальцы и, приложив их к глазам, немного подался вперед.

- Ай-ай-ай! - сказал он. - Я вижу несколько привлекательных особ женского пола, на которых очень мало надето, и они расхаживают перед двумя мужчинами, словно бы и взрослыми, но в таких воротничках и курточках, какие носят мальчики лет восьми. Если это критика жизни, то какой именно ее стороны?

- Неужели, сэр, - укоризненно отвечал гид, - вы по себе не чувствуете, как красноречиво это говорит нам о тайных страстях человечества? Разве это не поразительное раскрытие естественных устремлений мужской половины населения? Обратите внимание, как все здесь присутствующие, не исключая и вашей высокой особы, подались вперед, чтобы получше все разглядеть.

Ангел поспешно выпрямился.

- И правда, - сказал он, - я немного увлекся. Но это не та критика жизни, какая требуется в искусстве, а то и я и все остальные сидели бы прямо, плотно сжав губы, а не пускали бы слюну.

- И, однако, - отозвался гид, - это лучшее, что мы можем предложить. Все, что когда-то вызывало отрешенность, о которой вы упомянули, изгнано со сцены еще в дни Великой Заварухи, очень уж оно мешало коммерции.

- Жаль! - сказал Ангел, незаметно подвигаясь на краешек стула. Назначение искусства - возвышать Душу.

- Совершенно очевидно, сэр, что вы утратили связь с современным миром. Назначение искусства, наконец-то полностью демократизированного, - сводить все к одному уровню, теоретически - самому высокому, практически - самому низкому. Не забывайте, сэр, что англичане всегда считали эстетические устремления немужественными, а изящество безнравственным; если к этому основному принципу добавить принцип потакания вкусам большинства, вы получите идеальные условия для постепенного, но неуклонного спада.

- Значит, вкуса больше не существует? - спросил Ангел.

- Он еще не полностью отмер, но задержался в общих кухнях и столовых в том виде, как его ввела туда Ассоциация Молодых Христиан во время Великой Заварухи. Пока есть аппетит, есть надежда; да и не так уж это плохо, что вкус сейчас сосредоточился в желудке: ибо разве не желудок - средоточие человеческой деятельности? Кто посмеет утверждать, что на столь всеобъемлющем фундаменте не будет снова возведено прекрасное здание эстетизма? Вполне возможно, что глаз, привыкший к виду изящных блюд и соблазнительной кулинарии, снова потребует архитектуры Рена, скульптуры Родена, живописи... гм, чьей же? Да что там, сэр, еще до Великой Заварухи, когда вы в последний раз были на Земле, мы уже приступили к тому, чтобы поставить искусство на более реальную базу, и начали превращать концертные залы Лондона в отели. Мало кто в то время предвидел огромную важность этого начинания для будущего или понимал, что эстетический вкус будет снижен до уровня желудка, чтобы затем можно было поднять его снова до уровня головы, руководствуясь истинно демократическими принципами.

- А что будет, - спросил Ангел, проявляя на сей раз сверхчеловеческую проницательность, - если вкус, напротив, пойдет дальше вниз и сорвется даже с нынешнего своего желудочного

уровня? Если сгнуло все остальное, почему бы не сгнуть и красоте кухни?

- Эта мысль, - вздохнул гид, прижав руку к сердцу, - и меня самого часто повергает в уныние. Два брэнди с ликером, - бросил он неполголосо официанту. - Но стойкое сердце противится отчаянию. А кроме того, мы видим несомненные признаки эстетического возрождения в рекламе. Все крупные живописцы, поэты и писатели работают в этой области; движение это возникло из пропаганды, которой потребовала Великая Заваруха. Вы-то не можете помнить военную поэзию этого периода, патриотические фильмы, убийственные карикатуры и другие замечательные достижения. И сейчас у нас есть не менее крупные таланты, хотя им, возможно, и недостает фанатичной целеустремленности тех бурных дней. Нет того пищевого продукта, корсета или воротничка, на который не работал бы какой-нибудь художник! Зубные щетки, щипцы для орехов, детские ванночки - любое фабричное изделие теперь перелагают на музыку. Такие темы считаются если не возвышенными, то всечеловеческими. Нет, сэр, я не предаюсь отчаянию; горизонт кажется мне затянутым тучами лишь в тех случаях, когда я плохо пообедаю. Прислушайтесь - это включили "какофон"... Надо вам сказать, что вся музыка теперь отлично производится машинным способом: так для всех много легче.

Ангел поднял голову, и глаза его засияли, словно он слушал небесные напевы.

- Эта мелодия мне знакома, - сказал он.

- Не сомневаюсь, сэр, это "Мессия", только в ритме рэгтайма. Как видите, мы не теряем времени зря: даже удовольствия сейчас интенсивно культивируются по линиям наименьшего сопротивления. А всему виной та лихорадочная спешка, какую породила среди нас Великая Заваруха, когда никто не знал, будет ли жив завтра, и последующая" необходимость содействовать росту промышленности. Но чтобы ответить на вопрос, действительно ли мы получаем удовольствие, нужно, пожалуй, сперва вдуматься в английский характер.

- Не желаю, - сказал Ангел.

- И правильно, сэр, это сущая головоломка, многие уже свихнули на ней мозги. Но не засиделись ли мы здесь? Исследованием высших сфер искусства мы можем заняться завтра.

Косой луч из сверкающих глаз Ангела упал на даму, сидевшую за соседним столиком.

- Да, лучше, пожалуй, уйдем, - вздохнул он.

V

- Итак, сегодня нам предстоит прогулка по цветникам подлинного искусства? - сказал Ангел Эфира.

- Сколько их еще не облетело в лето от рождества Христова тысяча девятьсот сорок седьмое, - отвечал гид, останавливая его перед какой-то статуей. - Ибо с тех пор, как вы побывали у нас в девятьсот десятом году, когда движение инфантилистов и конторционистов только начало захватывать Англию, конек, называемый искусством, развивался очень своеобразными путями.

- Кого изображает эта статуя? - спросил Ангел.

- Одного знаменитого специалиста по рекламе, недавно скончавшегося в преклонном возрасте. В этом талантливом многоплановом произведении он раскрыт во всех аспектах, известных искусству, религии, природе и населению. От колен и вниз он явно посвящен природе и изображен так, будто влезает в ванну. От пояса до колен он посвящен религии - отметьте полное исчезновение всего человеческого. От шеи до пояса он посвящен общественным делам обратите внимание на твидовый пиджак, цепочку от часов и другие признаки трезвой практичности. Но венец человека - это как-никак голова, и голова посвящена искусству. Потому-то и невозможно понять, что это голова. Отметьте строгую пирам и дальность общего контура, маленькие настороженные уши, всю ее водонепроницаемую блочную конструкцию. Волосы, как видите, охвачены пламенем. Здесь присутствует элемент красоты - неопалимая купина. Статуя в целом говорит об отвращении к естественным формам и единой, точке зрения, что характерно для всей эстетики двадцатого века. Это подлинный шедевр инфантильного конторционизма. Творить столь же безответственно, как дети и конторционисты, - каким ценным оказалось это открытие линии наименьшего сопротивления в искусстве! Между прочим, заметили ли вы прелестную деталь на кисти левой руки?

- Она как будто искалечена, - сказал Ангел, подходя ближе.

- Вглядитесь повнимательнее, - сказал гид, - и вы увидите, что она держит роман великого русского мастера, притом вверх ногами. С

тех самых пор, как этот наивный мастер, который столь успешно слил воедино детское и конторционистское начало, стал известен в нашей стране, его пытаются перещеголять в литературе, живописи, скульптуре и музыке, отказываясь признать, что он был последним словом; и так может продолжаться без конца, потому что обогнать его все равно невозможно. Рука статуи символизирует все это течение.

- Каким образом?

- А вот каким: в основе его лежит сальто-мортале. Вы никогда не вдумывались в метод этого русского гиганта? Подготовьте ваших персонажей к одной линии поведения, а потом заставьте их быстро сделать как раз обратное. Именно так этот потрясающий писатель доказывал беспредельную широту своего кругозора и знание глубин человеческой природы. Поскольку персонажи его ни разу не изменяют такому порядку на протяжении восьми тысяч страниц, сложилось поверхностное мнение, будто он повторялся. Но что ж из этого? Зато подумайте, какого блестящего несоответствия между характерами и действием он этим достиг, какой туманности фактов, какого поистине детского и мистического смешения всех дотоле известных человеческих ценностей! Простите, сэр, если будет щекотно, но дальше я должен перейти на шепот. Гид сложил пальцы трубкой и поднес к уху Ангела. - Писать романы может только тот, кто исключительно плохо знает нормальную человеческую природу, а великие романы - только тот, кто не знает ее вовсе.

- Как так? - растерянно спросил Ангел.

- Неожиданность, сэр, - вот на чем держатся все эффекты искусства, а в действительной жизни люди, что с ними ни делай, упорно поступают в соответствии со своим характером и темпераментом. Эта противная и неисправимая их черта причиняла бы много горя всем писателям-мистикам из поколения в поколение, если б только они ее замечали. Но замечают ли они ее? К счастью, нет. Эти великие, из ряда вон выходящие люди, естественно, вкладывают в свои книги то великое смятение и сумбур, в котором пребывают сами. Они рисуют не человеческую природу, а природу сверхчеловека или недочеловека - это как вам будет угодно. И кто скажет, что это плохо?

- Только не я, - отвечал Ангел. - Ибо, признаюсь, я очень люблю детективные романы. Но русские ведь не такие, как все, правда?

- Правда-то правда, - сказал гид, - но с тех пор, как в Англии их открыли, все персонажи наших крупных писателей наделены русской душой, хоть она и помещается в британском теле, и живут они в Корнуэлле или в

Средних графствах, под шотландскими или английскими фамилиями.

- Очень пикантно, - сказал Ангел, отворачиваясь от шедевра скульптуры. - А скажите, не одетых статуй больше не делают?

- Если и делают, то они неузнаваемы. Ибо толпе, не подготовленной воспитанием к отрешенному созерцанию, которое в известной мере было принято еще даже в дни Великой Заварухи, уже небезопасно показывать такие произведения искусства: люди, чего доброго, станут бросаться на них - либо с целью объятий, либо с целью разрушения, смотря по темпераменту.

- Значит, эллины умерли, - сказал Ангел.

- Умерли и не воскреснут, сэр. Они смотрели на жизнь как на источник наслаждения - этого порока вы у англичанина не найдете. Греки жили на солнце, на свежем воздухе; им было неведомо чувство приличия, порожденное жизнью наших городов. Мы уже давно славимся своей щепетильностью во всем, что касается тела; и она не уменьшилась оттого, что теперь в каждом районе созданы из молодежи комитеты надзора. Им-то теперь и принадлежит решающее слово в вопросах искусства, и их цензура не пропустит ничего, что не годилось бы для семилетнего ребенка.

- Какая заботливость, - сказал Ангел.

- Результаты этим достигаются удивительные, - сказал гид. Удивительные! - повторил он мечтательно. - Вероятно, в этой стране тлеет подспудно больше сексуальных желаний и болезней, чем в какой-либо другой.

- Так это и было задумано? - спросил Ангел.

- Нет, что вы, сэр! Это лишь естественное следствие того, что на поверхности все так поразительно чисто. Все теперь не снаружи, а внутри. Природа исчезла бесследно. Процесс этот ускорила Великая Заваруха. Ведь с той поры у нас почти не было ни досуга, ни денег для удовлетворения каких-либо потребностей, кроме смеха; благодаря этому, да еще религиозному фанатизму, поверхность нашего

искусства просто ослепляет другие нации такая она гладкая, без единого пятнышка, точно сделана из жести.

Ангел вздернул бровь.

- Я ожидал лучшего, - сказал он.

- Только не подумайте, сэр, - продолжал гид, - что неодетое совсем вышло у нас из обихода. Его допускают сколько угодно, лишь бы было вульгарно, как вы могли видеть на той эстраде, ибо это хорошая коммерция; запрет касается только опасной области - искусства, оно в нашей стране всегда было никудышной коммерцией. Однако и в жизни неодетое разрешается, только если оно гротескно; единственное, что запрещено категорически, - это естественная красота. Смех, сэр, пусть самый грубый и вульгарный, - отличное дезинфицирующее средство. Нужно, впрочем, отдать должное нашим литераторам: они частично устояли против спроса на хохот. Одна литературная школа, зародившаяся как раз перед Великой Заварухой, до того усовершенствовалась, что сейчас есть целые книги в сотни страниц, в которых никто не поймет ни единой фразы - никто, кроме посвященных; это позволяет им не бояться комитетов надзора и прочих филистеров. У нас есть писатели, которые умудряются, проповедовать, что для полного выражения собственной Личности нужно жить в безвоздушном пространстве, что чистота познается через утонченные пороки, мужество - через трусость и доброта - через прусский образ действий. В большинстве это люди молодые. Есть у нас и другие писатели, которые под видом романов пишут автобиографии, пересыпанные философскими и политическими отступлениями. Эти бывают всех возрастов: от восьмидесяти лет до озлобленных тридцати. Имеются у нас и болтливые, плодовитые беллетристы и, наконец, изображатели жизни Трудяг, которых Трудяги не читают. А главное - есть у нас великая патриотическая школа; у тех на первом месте национальный девиз, и пишут они исключительно то, что идет на пользу коммерции. Словом, есть всякие писатели, как и в прежние времена.

- Выходит, что искусства особенно не продвинулись вперед, - сказал Ангел.

- Разве что прибавилось внешнего целомудрия и внутренней испорченности.

- И люди искусства все так же завидуют друг другу?

- О да, сэр. Это неотъемлемая черта артистического темперамента: все они необычайно чувствительны к славе.

- И они все так же сердятся, когда эти господа... э-э...

- Критики? - подсказал гид. - Сердятся, сэр. Но критика теперь почти сплошь анонимная, и на то есть веские причины: мало того, что рассерженный художник проявляет себя очень бурно, но у рассерженного критика нередко оказывается очень мало познаний, особенно в области искусства. Так что гуманнее по возможности обходиться без смертоубийства.

- Я лично не так уж ценю человеческую жизнь, - сказал Ангел. По-моему, для многих людей самое подходящее место - могила.

- Очень возможно, - раздраженно отпарировал гид. - Errare est humanum {Человеку свойственно ошибаться (лат.)}. Но я со своей стороны предпочел бы быть мертвым человеком, чем живым ангелом, - люди, по-моему, более милосердны.

- Ну что ж, - сказал Ангел снисходительно, - у всякого свои предрассудки. Вы не могли бы показать мне какого-нибудь художника? У мадам Тюссо {Лондонский музей восковых фигур, где, между прочим, выставляют изображения знаменитых людей.} я, сколько помнится, ни одного не видел.

- Они в последнее время отказываются от этой чести. Вот в Корнуэлле мы могли бы, пожалуй, встретить и живого художника.

- Почему именно в Корнуэлле?

- Не могу вам сказать, сэр. Что-то в тамошнем воздухе им благоприятствует.

- Я голоден и предпочитаю отправиться в Савой, - сказал Ангел, прибавляя шагу.

- Вам повезло, - шепнул гид, когда они уселись за столик перед блюдом с креветками. - Слева от вас, совсем рядом, сидит наш самый видный представитель мозаической литературной школы.

- Тогда приступим, - сказал Ангел и, повернувшись к своему соседу, любезно спросил:

- Как поживаете, сэр? Каков ваш доход?

Джентльмен, к которому он обратился, поднял глаза от своей креветки и отвечал томным голосом:

- Спросите у моего агента. Есть вероятность, что он располагает нужными вам сведениями.

- Ответьте мне хотя бы на такой вопрос, - сказал Ангел еще более учтиво. - Как вы пишете ваши книги? Ведь это, должно быть, упоительно вызывать из небытия образы, созданные вашим воображением. Вы дожидаетесь вдохновения свыше?

- Нет, - отвечал писатель. - Я... нет! Я... э-э-э... - и он закончил веско: - Я каждое утро сажусь за стол.

Ангел возвел глаза к небу и, повернувшись к gidу, сказал шепотом, чтобы не проявить невоспитанности:

- Он каждое утро садится за стол! Господи, как это хорошо для коммерции!

VI

- Здесь, сэ, мы можем получить стакан сухого хереса и сухой сэндвич с ветчиной, - сказал гид, - а на десерт - запах пергамента и бананов. Затем мы пройдем в зал номер сорок пять, где я вам покажу, как основательно изменилось наше судопроизводство за то недолгое время, что прошло после Великой Заварухи.

- Неужели закон в самом деле изменился? - сказал Ангел, с усилием отпилив зубами кусок ветчины. - А я думал, он не подвержен переменам. Какого же характера дело там будет разбираться?

- Я счел за благо выбрать дело о разводе, сэ, чтобы вы не уснули под воздействием озонированного воздуха и судейского красноречия.

- Ах так? - сказал Ангел. - Ну что ж, я готов.

Зал суда был переполнен, они с трудом нашли свободные места, и какая-то дама тут же уселась на левое крыло Ангела.

- Такие процессы всегда собирают много публики, - шепнул гид. - Не то что когда вы были здесь в девятьсот десятом году!

Ангел огляделся по сторонам.

- Скажите, - спросил он вполголоса, - который из этих седовласых судья?

- Вон тот, в круглом паричке, сэ. А там, левее, присяжные, - добавил гид, указывая на двенадцать джентльменов, расположившихся в два ряда.

- Каковы они в личной жизни? - спросил Ангел.

- Думаю, что отнюдь не безупречны, - улыбнулся гид. - Но, как вы скоро убедитесь, по их словам и поведению этого не скажешь. Это присяжные первого класса, - добавил он, - они платят подходящий

налог, так что их суждения в вопросах нравственности очень и очень ценны.

- Лица у них умные, - сказал Ангел. - А где прокурор?

- Что вы, сэ́р! - с живостью воскликнул гид. - Это ведь гражданское дело. Вон истица - та, у которой глаза в трауре, а губы чуть подкрашены, в черной шляпе с эгреткой, с ниткой жемчуга и в скромном, но сшитом по моде черном костюме.

- Вижу, - сказал Ангел. - Интересная женщина. Она выиграет дело?

- Мы это так не называем, сэ́р. Ибо, дело это, как вам, вероятно, известно, печального свойства: рушится семейный очаг. Постановление о разводе не доставит ей радости, так я, по крайней мере, предполагаю. Впрочем, при ее внешности, еще сомнительно, утвердит ли его Королевский проктор.

- Королевский проктор? Это еще что такое?

- А это такой небесный консерватор, по должности своей воссоединяющий тех, кого человек разлучил.

- Я что-то не понимаю, - сказал Ангел раздраженно.

- Видимо, я должен разъяснить вам, - зашептал гид, - в каком духе наше правосудие подходит к таким делам. Вы, конечно, знаете, что назначение нашего закона - карать преступника. Поэтому он требует от невиновной стороны, каковой в данном случае является эта леди, сугубой невиновности не только до того, как она получит развод, но и еще в течение шести месяцев после этого.

- Вот как? - сказал Ангел. - А где виновная сторона?

- Вероятно, на юге Франции, вместе с новым предметом своей привязанности. Их место - под солнцем, ее - в зале суда.

- Вот чудеса! - сказал Ангел. - Ей так больше нравится?

- Есть женщины, - сказал гид, - которые с удовольствием появляются где угодно, лишь бы их могли увидеть в красивой шляпе. Но большинство предпочло бы провалиться сквозь землю.

- Эта, на мой взгляд, на редкость привлекательна, - живо отозвался Ангел. - Я бы не хотел, чтобы она провалилась сквозь землю.

- Независимо от привлекательности, - продолжал гид, - они, если хотят освободиться от обидевшего их лица, принуждены выставлять

свое сердце на всеобщее обозрение. Это необходимо для того, чтобы покарать обидчика.

- Какая же кара его ожидает? - спросил Ангел простодушно.

- Он получит свободу, а также право наслаждаться жизнью на солнышке со своей новой подругой до тех пор, пока не сможет вступить с нею в законный брак.

- Для меня тут какая-то загадка, - едва слышно произнес Ангел. - Не это ли называется свалить с больной головы на здоровую?

- Что вы, сэр! Закон никогда не допустит такой ошибки. Вы судите односторонне, а это не годится. Эта леди - верная, жестоко обиженная жена (будем, во всяком случае, надеяться, что так), которой наш закон обеспечивает защиту и помощь, однако в то же время она, в глазах закона, заслуживает известного порицания за то, что пожелала прибегнуть к этой защите и помощи. Ибо, хотя закон теперь чисто государственное дело и не имеет никакого отношения к церкви, он втайне все еще придерживается религиозного правила "вступил в брак - и крышка" и считает, что, какому бы небрежному или жестокому обращению ни подвергалась замужняя женщина, ей все же не следует желать свободы.

- Ей? - переспросил Ангел. - А мужчина разве никогда не желает свободы?

- Что вы, сэр! Очень даже часто.

Но мужчину ваш закон не считает за это достойным порицания?

В теории, может быть, и считает, но тут есть одно тонкое различие. Как вы можете убедиться, сэр, правосудие отправляют исключительно лица мужского пола, а они просто не могут не верить в божественное право мужчин на более легкую жизнь, чем у женщин; и хотя они этого не говорят, но, понятно, считают, что муж, обиженный женой, пострадал больше, чем жена, обиженная мужем.

- В этом кое-что есть, - сказал Ангел. - Но скажите, как действует этот оракул - на всякий случай не мешает знать!

- Вы имеете в виду необходимую процедуру, сэр? Сейчас я вам ее разьясню. Такие дела бывают двух категорий: обозначим их для удобства "ажур" и "уловка". Так вот, в случаях "ажур" истиче достаточно получить от супруга синяк под глазом и заплатить сыщикам, чтобы они установили, что он водит слишком тесную дружбу с другой женщиной; мужчине же даже не нужен подбитый

глаз - он просто платит сыщикам за то, чтобы они добыли ему те же необходимые сведения.

- Почему такая разница?

- Потому что, - отвечал гид, - женщины - слабый пол, а значит, надо, чтобы им было труднее.

- Но ведь англичане славятся своим рыцарством?

- Совершенно верно, сэр.

- Так как же... - начал Ангел.

- Когда эти условия выполнены, - перебил его гид, - можно вчинить иск о разводе, причем другая сторона либо защищается, либо нет. Что касается дел категории "уловка", в которых истицей всегда выступает жена, то разобраться в них труднее, прежде всего потому, что они, в свою очередь, подразделяются на "уловку простую" и "уловку сложную". Первая - это когда жена не может уговорить мужа остаться с ней и, узнав от него, что он водит тесную дружбу с другой, желает от него освободиться. Она тогда заявляет суду, что хочет, чтобы муж к ней вернулся, и суд предлагает ему вернуться. Если он послушается, тогда ей остается только пенять на себя. Если же он не послушается, что более вероятно, она имеет право после небольшой отсрочки вчинить иск, приложив к нему добытые ею сведения, и получить развод. Возможно, что именно такое дело сейчас и будет разбираться, а возможно, что и нет, и тогда, значит, это "уловка сложная". Если так, то супруги, убедившись в невозможности поддерживать мало-мальски приличные отношения, в последний раз дружески посоветовались и решили расстаться; а дальше все идет, как в случаях "уловки простой". Но жена должна всячески стараться внушить суду, что она жаждет, чтобы муж к ней вернулся, ибо в противном случае это расценивается как преступный сговор. Чем сильнее ее желание с ним расстаться, тем старательнее она должна изображать обратное. Но в общем-то эти дела самые простые, поскольку обе стороны единодушны в своем желании освободиться друг от друга, так что ни он, ни она ничем не тормозят движения к желанной цели и достигают ее довольно быстро.

- А доказательства? - спросил Ангел. - Что должен сделать мужчина?

- Провести ночь в гостинице с дамой. Одного раза достаточно. И если только утром их застанут вместе, больше ничего не требуется.

- Гм! - сказал Ангел. - Вот уж поистине окольные пути! Неужели нет способа более простого и не требующего искажения истины?

- Нет, сэр! Вы забываете о том, что я вам говорил. Сколько бы люди ни страдали от совместной жизни, наш закон лишь с большой неохотой разрешает им расстаться; поэтому он и требует, чтобы они сперва совершили безнравственный поступок, либо солгали, либо и то и другое.

- Интересно! - сказал Ангел.

- Поймите, сэр, когда мужчина говорит, что берет в жены женщину, а женщина - что берет в мужья мужчину на всю жизнь, пока смерть не разлучит их, то считается, будто они все друг о друге знают, хотя законы нравственности не разрешают им, конечно, знать что-либо действительно важное. А поскольку по целомудренному знакомству почти невозможно судить, будут ли они по-прежнему желать общества друг друга после того, как узнают все, они, естественно, идут на это "вслепую", если можно так выразиться, и, чуть что, готовы заключить союз до гробовой доски. Ибо для человека, который видит счастье перед собой, в двух шагах, слова "до гробовой доски" - пустой звук. А из этого нетрудно понять, как важно затруднить им путь к избавлению друг от друга.

- Мне бы не понравилось жить с женой, которая мне надоела, - сказал Ангел.

- Сэр, - произнес гид доверительно, - под этими словами охотно подписались бы все мужчины нашей страны. Думаю, что и женщины тоже, если бы вы, как муж, им надоели.

- Ну, знаете!.. - протянул Ангел с самодовольной улыбкой.

- Я вас понимаю, сэр; но разве это не убеждает вас в необходимости заставлять людей, надоевших друг другу, жить вместе?

- Нет, - отвечал Ангел с режущей слух откровенностью.

- Не стану от вас скрывать, - честно признался гид, - кое-кто считает, что наши законы о браке следует поместить в музей как своего рода уникам; и хотя они служат к увеселению публики и обогащению юристов, их не могут постичь ни люди, ни ангелы, если не владеют ключом к этой загадке.

- Каким ключом? - спросил Ангел.

- Сейчас я вам дам его, сэр. У англичан есть особый талант - принимать тень за сущность. "Если нам кажется, рассуждают они, что

наши браки, наши добродетели, наша честность и счастье существуют, значит, так оно и есть". Следовательно, брак, пока мы его не расторгли, остается добродетельным, честным и счастливым, хотя бы супруги были неверны, лживы и глубоко несчастливы. Ставить брак в зависимость от взаимной симпатии - это было бы ужасно! Мы, англичане, не выносим даже мысли о поражении. Расторгнуть несчастный брак значит признать, что жизнь кого-то победила, а мы скорее допустим, чтобы другие проводили свои дни в тоске и горе, нежели признаем, что представители нашей нации столкнулись с чем-то непреодолимым. Англичан не прельщает бегство от земной жизни лучшее, они отлично обходятся одной видимостью.

- Стало быть, они верят в загробную жизнь?

- Верили в значительной мере вплоть до восьмидесятых годов прошлого века и к этому приспособляли свои законы и обычаи, а с тех пор еще не успели перестроиться. Мы несколько неповоротливы, сэръ, всегда на одно-два поколения отстаем от собственных убеждений.

- Так, значит, веру свою они утратили?

- В таком вопросе, сэръ, трудно оперировать точными цифрами, но можно считать, что от силы один взрослый из каждых десяти сохранил хотя бы тень того, что можно назвать верой в жизнь будущего века.

- И остальные предоставляют этой одной десятой распоряжаться их судьбой по своему усмотрению? - удивился Ангел. - Они что же, воображают, что их супружеские неурядицы будут улажены на небесах?

- Тут все очень туманно. Некоторые случаи было бы трудно уладить без двоеженства: ведь и по общему мнению, и по закону, люди, чей брак был расторгнут, могут вступить в брак вторично.

- А дети? - спросил Ангел. - Думается, это немаловажный пункт.

- Да, сэръ, дети - это, конечно, затруднение. Но ключик мой подойдет и здесь. Если только брак кажется счастливым, то уже неважно, что дети знают обратное и страдают от родительских разногласий.

- Я подозреваю, - сказал Ангел проницательно, - что для ваших законов о браке есть причины более прозаические, чем те, которые вы привели. В конечном счете, я думаю, все упирается в собственность.

- Очень возможно, что вы правы, сэр, - сказал гид таким тоном, словно эта мысль никогда не приходила ему в голову. - Там, где не замешаны деньги, развод вызывает мало интереса, и считается, что наши бедняки могут обойтись без него. Но я никогда не признаю, что в этом - причина нынешнего состояния наших законов о разводе. Нет, нет; ведь я англичанин.

- Мы с вами отвлеклись, - заметил Ангел. - Скажите, этот судья верит тому, что ему сейчас говорят?

- На это я не могу вам ответить. Судьи - хитрый народ, они знают все, что только можно знать в таких делах. Но в одном можете не сомневаться: если будет сказано что-нибудь такое, что покажется на рядовое восприятие подозрительным, они уж это учуют.

- А где рядовое восприятие? - спросил Ангел.

- Вот оно, сэр. - И гид указал подбородком на присяжных. - Они известны своим здравомыслием.

- А эти, в седых париках, которые называют один другого "мой ученый друг", хотя обмениваются далеко не дружескими взглядами?

- От них трудно что-либо скрыть, - отвечал гид. - Но в сегодняшнем деле, хотя некоторые имущественные пункты оспариваются, по поводу самого развода та сторона не защищается. Более того, профессиональный этикет обязывает их грудью стоять за своих клиентов, что бы там ни было.

- Минутку! - сказал Ангел. - Я хочу послушать показания, и того же хочет дама по левое крыло от меня.

Гид улыбнулся себе в бороду и умолк.

- Скажите, - обратился к нему Ангел, когда допрос свидетельницы закончился, - эта женщина получит что-нибудь за то, что показала, что застала их утром вместе?

- Как можно, сэр! Только за проезд в суд и обратно. Впрочем, после того как она их застала, истица могла ей вручить полсоверена, чтобы она это получше запомнила, - ведь ей каждый день приходится заставать не одну пару.

Ангел нахмурился.

- Все это похоже на какую-то игру. И подробности оказались не столь пикантны, как я ожидал.

- Вот если бы другая сторона защищалась, сэр, тогда вы были бы довольны. К тому же вам представился бы случай оценить

способность человеческого ума воспринимать один и тот же эпизод как черное и как белое; но это отняло бы у вас много драгоценного времени, и публики набилось бы столько, что какая-нибудь дама непременно сидела бы и на правом вашем крыле, а быть может, и на коленях. Ибо дамы, как вы могли заметить, особенно падки до таких трагедий, взятых из жизни.

- Если бы моя жена согрешила, - сказал Ангел, - я, по вашим законам, вероятно, не мог бы зашить ее в мешок и бросить в воду?

- Времена Великой Заварухи миновали, - отвечал гид холодно. - В те дни любой военный, обнаружив, что жена ему неверна (так у нас это называется), мог безнаказанно застрелить ее и заслужить рукоплескания толпы, а может быть, и какое-нибудь подношение, даже если сам он, будучи в отсутствии, много чего себе позволял. Вот это был ловкий способ получить развод. Но с тех пор, как я уже сказал, процедура изменилась, и даже военные вынуждены теперь прибегать к этим обходным маневрам.

- А любовника он может застрелить? - спросил Ангел.

- Даже это запрещено - вот до чего мы изнежились и измельчали. Впрочем, если ему удастся выдумать для любовника немецкую фамилию, он и теперь еще подвергнется наказанию условно. Наш закон славится тем, что никакие соображения чувства не могут его поколебать. Я отлично помню один процесс во время Великой Заварухи, когда присяжные вынесли решение наперекор очевидным фактам, лишь бы никто не заподозрил закон в пристрастности.

- Вот как, - отозвался Ангел рассеянно. - А что происходит сейчас?

- Присяжные обсуждают свое решение. Впрочем, поскольку они не ушли, решение их, по существу, уже принято. А вот сейчас истица достает из сумочки нюхательные соли.

- Интересная женщина, - произнес Ангел веско.

- Тсс, сэр! Вас может услышать судья.

- Ну и что? - удивился Ангел.

- Он может удалить вас из зала за неуважение к суду,

- А он не согласен с тем, что она интересная женщина?

- Ради всего святого, замолчите, сэр, - умоляюще прошептал гид.

- Вы ставите на карту счастье трех, если не пяти человек. Смотрите! Вот она приподняла вуалетку. Сейчас пойдет в ход носовой платочек.

- Не могу видеть женских слез, - сказал Ангел, порываясь встать. Прошу вас, снимите эту даму с моего левого крыла.

- Не шевелитесь! - шепнул гид даме, наклоняясь к ней за спиной Ангела. - Слышите, сэр? - добавил он. - Присяжные, по их словам, полностью убеждены, что необходимое условие соблюдено: нужное происшествие имело место. Все хорошо: развод она получит.

- Ура! - громко сказал Ангел.

- Если этот шум повторится, я прикажу очистить зал суда.

- А я его повторю, - сказал Ангел твердо. - Она красивая женщина.

Гид почтительно прикрыл рот Ангела ладонью.

- Ах, сэр! - сказал он успокаивающим тоном, - не портите эту прелестную минуту! Вот, прислушайтесь! Он выносит постановление nisi {Nisi - если не (лат.). Юридический термин, означающий постановление о разводе, вступающее в силу через шесть месяцев, если до этого не будет отменено.} с оплатой судебных издержек. Завтра это будет во всех газетах, ибо такой материал способствует их распространению. Взгляните! Она уходит. Теперь и мы можем идти. - И он высвободил крыло Ангела из-под дамы.

Ангел вскочил с места и устремился к дверям.

- Я выйду вместе с ней, - объявил он радостно.

- Заклинаю вас, - сказал гид, поспешая за ним следом, - помните о Королевском прокторе! Где ваше рыцарство? Ведь от него-то вы рыцарства не дождетесь - ни единой капли!

- Подайте его сюда, я ему покажу! - сказал Ангел и успел послать истице воздушный поцелуй, прежде чем она скрылась из глаз в сумраке улицы.

VII

Когда Ангел Эфира вошел в Гостевую гостиную клуба Чужаков, там царило обычное безлюдье.

- Здесь вам будет покойно, - сказал гид, придвигая к камину два кожаных кресла. - И удобно, - прибавил он, когда Ангел положил ногу на ногу. - После того, чему мы только что были свидетелями, я решил привести вас в какое-нибудь место, где вы сможете сосредоточиться, тем более что нам предстоит обсудить такой серьезный вопрос, как нравственность. В самом деле, где, как не здесь, можно полностью отгородиться от действительности и, положившись единственно на

свой ум, сделать важные выводы, какими славятся кабинетные моралисты? Когда вы начинаетесь, - добавил он, видя, что Ангел берет понюшку, - я вам сообщу, к каким выводам я сам пришел за годы долгой и беспорядочной жизни.

- Прежде чем вы начнете, - сказал Ангел, - стоит, пожалуй, четко ограничить область наших исследований.

- Извольте. Я намерен дать вам сведения о нравственности англичан за краткий период с начала Великой Заварухи - всего тридцать три года; и вы увидите, что тема моя распадается на два раздела - нравственность общественная и нравственность личная. Когда я кончу, можете задать мне любые вопросы.

- Валяйте! - сказал Ангел и закрыл глаза.

- Нравственность общественная, - начал гид, - бывает превосходная, сравнительная, положительная и отрицательная. Нравственность превосходную вы найдете, разумеется, только в газетах. Это прерогатива авторов передовиц. Высокая и неоспоримая, она громко прозвучала почти во всех органах печати в начале Великой Заварухи, и суть ее можно выразить в одной торжественной фразе: "Пожертвуем на алтарь долга все до последней жизни и до последнего шиллинга - все, кроме последней жизни и шиллинга последнего автора передовиц". Ибо всякому ясно, что его-то нужно было сохранить, дабы он обеспечил жертвоприношение и написал об этом передовицу. Можно ли вообразить нравственность более возвышенную? И население страны не перестает скорбеть о том, что жизнь этих патриотов и благодетелей своего рода по скромности их осталась неизвестной тем, кто захотел бы последовать их примеру. Тут и там под маской обычая можно было разглядеть черты какого-нибудь героя, но наряду с этим сколь прекрасные жизни остались от всех скрыты! Забегая вперед, сэр, скажу вам, что во времена Великой Заварухи эта доктрина, принесения в жертву других, произвела огромное впечатление на государство: оно тут же начало ей следовать и с тех самых пор пытается проводить ее в жизнь. Да что там, "другие" только потому еще и живы, что выказали непонятное отвращение к тому, чтобы их поголовно принесли в жертву.

- В тысяча девятьсот десятом году, - сказал Ангел, - я заметил, что пруссаки уже довели эту систему до совершенства. А между тем ведь ваша страна, сколько помнится, воевала именно против пруссаков?

- Совершенно верно, - отвечал гид, - и многие пытались привлечь внимание к этому обстоятельству. А в конце Великой Заварухи реакция была так сильна, что даже авторы передовиц некоторое время не решались проповедовать свою доктрину самоотречения, и нарушенная было традиция снова утвердилась лишь тогда, когда партия Трудяг прочно уселась в седло. С тех пор принцип держится крепко, но практика держится еще крепче, так что общественная нравственность уже никогда не достигает превосходной степени. Перейдем теперь к общественной нравственности сравнительной. В дни Великой Заварухи ее исповедовали люди с именем, которые учили жить других. В эту большую и деятельную группу входили все проповедники, журналисты и политики, и многое указывает на то, что в ряде случаев они даже сами последовали бы своим наставлениям, если бы возраст их был не столь почтенным, а руководство - не столь бесценным.

- Без-ценным, - повторил Ангел вполголоса. - Это слово имеет отрицательное значение?

- Не всегда, - улыбнулся гид. - Среди них попадались, хоть и редко, люди просто незаменимые, и, пожалуй, они как раз были наименее сравнительно нравственны. К этой же группе, несомненно, нужно причислить людей, известных под названием мягкотелых пацифистов {Речь идет об англичанах, которые во время первой мировой войны отказывались от службы в армии по политическим или религиозным соображениям.}.

- Это что же, вид моллюсков? - спросил Ангел.

- Не совсем, - отвечал гид. - А впрочем, вы попали в точку, сэр: они действительно уползали в свои раковины, заявляя, что не желают иметь ничего общего с нашим испорченным миром. С них хватало голоса собственной совести. Бесчувственная толпа обращалась с ними очень дурно.

- Это интересно, - сказал Ангел. - Против чего же они возражали?

- Против войны, - отвечал гид. - "Какое нам дело до того, - говорили они, - что на свете есть варвары вроде этих пруссаков, которые плюют на законы справедливости и гуманности?" Эти слова, сэр, были тогда в большой моде. "Как это может повлиять на наши принципы, если грубые чужестранцы не разделяют наших взглядов и задумали путем блокады нашего острова уморить нас голодом и тем

подчинить своей власти? Мы не можем не прислушиваться к голосу своей совести, - лучше пусть все голодают; готовы ли мы голодать сами, этого мы, конечно, не можем сказать, пока не попробовали. Но мы надеемся на лучшее и верим, что вытерпим до конца в нежелательном обществе тех, кто с нами не согласен". И надо сказать, сэр, некоторые из них, несомненно, были на это способны; ибо есть, знаете ли, особый тип людей, которые скорее умрут, чем признают, что при столь крайних взглядах ни у них самих, ни у их ближних нет никаких шансов остаться в живых.

- Как любопытно! - воскликнул Ангел. - Такие люди есть и сейчас?

- О да, - отвечал гид, - и всегда будут. И мне сдается, что для человечества в целом это не так уж плохо - ведь они являют собой некое предостережение: по ним мы видим, как опасно уходить от действительности и гасить безо времени пламя человеческой жизни. А теперь рассмотрим нравственность положительную. Во времена Великой Заварухи ее представляли люди, которые нарочно пили чай без сахара и все свои деньги вкладывали в пятипроцентный военный заем, не дожидаясь выпуска выигрышных облигаций, как они тогда назывались. Это тоже была большая группа, очень здравомыслящая; ее интересовала не столько война, сколько торговля. Но шире всего была распространена нравственность отрицательная. Она охватывала тех, кто, грубо говоря, "тянул ляжку". И могу вам сказать по опыту, сэр, не всегда это было легкое занятие. Сам я в то время был судовым стюардом и не один раз плотнул соленой воды - из-за подводных лодок. Но я не отступался и, едва ее успевали выкачать из меня, снова нанимался на корабль. Нравственность наша была чисто отрицательного, чтобы не сказать низкого, свойства. Мы действовали как бы инстинктивно и часто восхищались теми благородными жертвами, которые приносили люди, выше нас стоящие. Большинство из нас были убиты, либо так или иначе искалечены, но какая-то слепая сила владела нами и помогала держаться. Простодушный мы были народ. - Гид умолк и устремил взгляд в пустой камин. - Не скрою от вас, - добавил он, помолчав, - что почти все время нам было до крайности противно; и все-таки мы не могли остановиться. Чудно, правда?

- Я жалею, что меня не было с вами, - сказал Ангел, - потому что... употреблю слово, без которого вы, англичане, кажется, ничего не способны выразить, - потому что вы были герои.

- Сэр, - сказал гид, - вы нам льстите. Боюсь, мы отнюдь не были воодушевлены духом коммерции, мы были самые обыкновенные мужчины и женщины, и не было у нас ни времени, ни охоты вдумываться в свои мотивы и поступки, а также обсуждать или направлять поведение других. Чисто отрицательные создания, сэр, но в каждом, вероятно, было немножко человеческого мужества и немножко человеческой доброты. Да что говорить, все это давно миновало. Теперь, сэр, прежде чем я перейду к нравственности личной, можете задать мне любые вопросы.

- Вы упомянули о мужестве и доброте, - сказал Ангел. - Как эти качества котируются в настоящее время?

- Мужество сильно упало в цене во время Великой Заварухи и с тех пор так до конца и не реабилитировано. Ибо тогда впервые было замечено, что физическое мужество - качество донельзя банальное; по всей вероятности, это просто результат торчащего подбородка, особенно распространенного среди народов, говорящих на английском языке. Что же касается мужества морального, то его так затравили, что оно по сей день где-то скрывается. Доброта, как вам известно, бывает двух видов: та, которую люди проявляют по отношению к себе и своей собственности, и та, которую они, как правило, не проявляют по отношению к другим.

- После того как мы побывали на бракоразводном процессе, - сказал Ангел глубокомысленно, - я много думал. И мне кажется, что по-настоящему добрым может быть только тот, кто прошел через семейные неурядицы, в особенности же если он при этом столкнулся с законом.

- Это для меня новая мысль, - заметил гид, внимательно его выслушав. Очень возможно, что вы правы, - ведь только оказавшись отщепенцем, можно как следует почувствовать чужую нетерпимость. Однако вот мы и подошли к вопросу о личной нравственности.

- Верно! - сказал Ангел с облегчением. - Я утром забыл вас спросить, как теперь рассматривается древний обычай брака.

- Только не как таинство, - отвечал гид. - Такая точка зрения почти исчезла уже ко времени Великой Заварухи. А между тем она

могла бы сохраниться, если бы высшее духовенство в те дни не так противилось реформе закона о разводе. Когда принцип слишком долго противится здравому смыслу, неизбежна перегруппировка сил.

- Так что же теперь представляет собою брак?

- Чисто гражданскую сделку. Давно отошло в прошлое и дозволенное законом раздельное жительство супругов.

- Ах, да, - сказал Ангел, - это, кажется, был такой обычай, согласно которому мужчина становился монахом, а женщина монахиней?

- В теории так, сэр, на практике же, как вы можете догадаться, ничего подобного. Но представители высшего духовенства и женщины, старые и не старые, которые их поддерживали, могли опереться лишь на очень ограниченный жизненный опыт и искренне полагали, будто наказывают все еще женатых, но согрешивших лиц, которым закон разрешал разъехаться. Лица же эти, напротив, в большинстве случаев исходили из того, что их случайные связи отныне оправданы, и даже не старались от них воздерживаться. Так всегда бывает, когда великие законы природы нарушаются в угоду высшей доктрине.

- А дети еще рождаются вне брака?

- Да, но на них уже не возлагают вину за поведение родителей.

- Значит, общество стало более гуманным?

- Как вам сказать, сэр, до идеала в этом смысле еще далеко. Зоологические сады все еще не под запретом, и не далее как вчера я читал письмо одного шотландца, в котором он с гневом обрушивается на гуманное предложение, чтобы заключенным раз в месяц разрешали видеться со своими женами не через решетку и без свидетелей - можно подумать, что мы все еще живем в дни Великой Заварухи. Скажите, почему такие письма всегда пишут именно шотландцы?

- Это что, загадка? - спросил Ангел.

- Действительно, загадка, сэр.

- Я их не люблю. Ну, а вообще-то вы довольны состоянием добродетели в вашей стране теперь, когда, как вы мне вчера говорили, она стала чисто государственным делом?

- Сказать вам по правде, сэр, я не берусь судить моих ближних, - мне хватает собственных пороков. Но одно я заметил: чем менее добродетельными выставляют себя люди, тем они обычно

добродетельнее. Цветы расцветают там, куда не достает свет рампы. Вы, вероятно, и сами замечали, что те, кто изо дня в день бодро переносит самые серьезные неприятности и притом помогает своим ближним, поступаясь и своим временем и деньгами, бывают готовы плакать от умиления, получив соверен от богача, и в мыслях возводят его на престол как милостивейшего из монархов? Истинную добродетель, сэр, нужно искать среди низов. Сахар и снег видны на поверхности, но соль земли скрыта на дне.

- Я вам верю, - сказал Ангел. - Должно быть, тому, на кого падает свет рампы, труднее приобщиться к добродетели, чем добродетельному выйти на свет рампы. Ха-ха! А сохранился ли добрый старый обычай покупать ордена и титулы?

- Нет, сэр. Ордена дают теперь только тем, кто шумит уже совсем невыносимо, и награжденный обязуется воздержаться от публичных выступлений на срок не свыше трех лет. Этот приговор, самый строгий, дается за герцогский титул. Считается, что мало кто способен молчать так долго и все же остаться в живых.

- Что-то мне сомнительно, такой ли уж нравственный этот новый обычай, сказал Ангел. - По-моему, это похоже на капитуляцию перед грубостью и бахвальством.

- Скорее перед докучливостью, сэр, а это не всегда одно и то же. Но давать ли награды за принесенную пользу, или за доставленное беспокойство в обоих случаях достигается относительное бездействие, что и требуется: вы ведь, вероятно, замечали, как достоинство отягощает человека.

- А женщин тоже награждают таким образом?

- Да, очень часто; ибо, хотя достоинства у них и без того хоть отбавляй, языки у них длинные, и, выступая публично, они почти не испытывают стыда и не знают, что такое нервы.

- А что вы скажете об их добродетели?

- Тут со времени Великой Заварухи кое-что изменилось. Теперь они не так легко продают ее, разве что за обручальное кольцо, а многие даже выходят замуж по любви. Женщины вообще нередко проявляют прискорбный недостаток коммерческого духа, и хотя многие из них теперь занимаются коммерцией, так до сих пор и не сумели перестроиться. Некоторые мужчины даже считают, что их

участие в деловой жизни вредит торговле и тормозит развитие страны.

- Женщины - очень занятный пол, - сказал Ангел. - Они мне нравятся, только уж очень большое значение придают младенцам!

- Да, сэр, это их главный изъян. Материнский инстинкт - как это опрометчиво, как вредит коммерции! Впору подумать, что они любят этих малявок ради них самих.

- Да, - сказал Ангел, - это дело без будущего. Дайте мне сигару.

VIII

- Так как же определяется теперь добро? - спросил Ангел Эфира, взлетая с Уотчестерского собородрома в направлении Столичной Скинии.

- На это существует множество разноречивых взглядов, сэр, - просипел гид, у которого от встречной струи воздуха заложило нос. - Положение не более оригинальное в наше время, чем когда вы были здесь в девятьсот десятом году. Крайней правой позиции придерживаются экстремисты, полагающие, что добро осталось тем, чем было, - что оно всеильно, однако по какой-то еще не выясненной причине терпит присутствие зла; что оно вездесуще, хотя, надо полагать, отсутствует там, где присутствует зло; таинственно, хотя полностью открыто людям; грозно, однако исполнено любви; вечно, однако ограничено началом и концом. Таких людей немного, но все они на виду, и главная их особенность - полная нетерпимость по отношению к тем, кто не разделяет их взглядов; и они не допускают даже попыток проанализировать природу "добра", считая, что она установлена на все времена, в том виде, как я вам сказал, лицами, давно умершими. Как вы легко можете себе представить, люди эти оказались весьма далеки от науки (какая она ни на есть) и в обществе вызывают любопытство, но не более того.

- Этот тип хорошо известен на небе, - сказал Ангел. - Но скажите, они пытаются тех, кто с ними не согласен?

- Физически - нет. Этот обычай вывелся еще до Великой Заварухи, хотя трудно сказать, как повернулось бы дело, если бы Патриотической, то есть Прусской, партии удалось подольше продержаться у власти. А так они применяют лишь пытки духовного свойства: презрительно взирают на всех инакомыслящих и обзывают их еретиками. Однако было бы большой ошибкой недооценивать их

силу, ибо человеческая природа любит авторитеты, и многие готовы следовать хоть на смерть за всяким, кто на него презрительно взирает и говорит: "Я-то знаю!" К тому же, сэр, примите во внимание, как утомляет это самое "добро", когда начинаешь над ним размышлять, и как отдохновительна вера, избавляющая от таких размышлений.

- Это верно, - протянул Ангел задумчиво.

- Правое крыло центра, - продолжал гид, - это небольшая, но шумная Пятая партия. Члены ее играют на кларнете и тамбурине, на барабане и аккордеоне, это - потомки Древнего Пророка, а также последние из тех, кто, следуя за пророком более молодым, примкнул к ним в дни Великой Заварухи. Меняя свои формулировки с каждым новым открытием в науке, они утверждают, что "добро" - это сверхчеловек, бесплотный, но телесный, с началом, но без конца. Это очень привлекательная теория, она позволяет им говорить Природе: "Je m'en fiche de tout cela! {Плевать мне на все! (франц.)} Обо мне позаботится мой старший брат - во как!!!" Ее можно назвать антропоморфином, ибо она особенно успокаивающе действует на сильную личность. Каждому, как говорится, свое; и я меньше всего склонен расхолаживать тех, кто пытается найти "добро", закрывая один глаз, а не оба, как крайние правые.

- Вы очень терпимы, - заметил Ангел.

- Сэр, - сказал гид, - к старости все яснее видишь, что человек просто не может не мыслить себя как суть вселенной, а отдельные люди - не считать себя средоточием этой сути. Для таких основывать новые верования биологическая потребность, и неразумно было бы им мешать. Это предохранительный клапан, та форма страсти, в которую выливается пламень молодости у людей, переваливших за пятьдесят лет, как мы видим на примере пророка Толстого и других знаменитостей. Но вернемся к нашей теме. В центре, разумеется, расположено подавляющее большинство - те, кто придерживается взгляда, что никаких взглядов на природу "добра" у них нет.

- Никаких? - переспросил Ангел озадаченно.

- Ни малейших. Это - единственные подлинные мистики; ибо что такое мистик, если не человек, твердо убежденный в необъяснимости собственного существования? К этой группе принадлежит основная масса Трудяг. Многие из них, правда, ничтоже сумняшеся повторяют

то, что им говорят, о "добре" другие, как будто сами до этого додумались, но ведь так поступает большинство людей спокон века.

- Верно, - согласился Ангел. - Мне приходилось это наблюдать во время моих странствий. Не будем тратить на них лишних слов.

- Не говорите, сэр, - возразил гид. - Такие люди разумнее, чем кажется с первого взгляда. Вы только подумайте, что случилось бы с их мозгами, если бы они попытались мыслить самостоятельно. К тому же, как вам известно, всякое определенное мнение относительно "добра" очень утомительно, и большинство людей полагает, что лучше "не тревожить спящих собак", чем допускать, чтобы они лаяли у тебя в голове. Но я скажу вам кое-что еще, - добавил гид. - У бесчисленных этих людей есть своя тайная вера, древняя, как мир: для них единственно важное на свете - это чувство товарищества. И сдается мне, что, если брать "добро" в узком смысле, это превосходная вера.

- А, бросьте, - сказал Ангел.

- Прошу прощения, сэр. На левом крыле центра группируются все более многочисленные сторонники того взгляда, что, поскольку все на свете очень плохо, "добро" есть конечный переход в небытие. - "Покой, последний покой", - как сказал поэт. Вспомните избитую цитату "Быть иль не быть". Сейчас я говорю о тех, кто отвечает на этот вопрос отрицательно, - о пессимистах, притворяющихся оптимистами для обмана простодушной публики. Произошли они, несомненно, от тех, кого некогда называли "теософами" - была такая секта, которая предугадала все, а затем возжаждала уничтожения; или же от последователей Христианской науки, - для тех вещи как они есть были просто невыносимы, поэтому они внушали себе, что ничего нет, и, помнится, даже достигали в этом некоторых успехов. Мне вспоминается случай с одной дамой, которая потеряла свою добродетель, а затем снова сбрела ее, вспомнив, что у нее нет тела.

- Очень любопытно, - сказал Ангел. - Я хотел бы ее расспросить, после лекции запишите мне ее адрес. А теорию перевоплощения кто-нибудь еще исповедует?

- Понятно, что вас это интересует, сэр, поскольку адепты этого учения, связанные старым, нелепым земным правилом "дважды два четыре", вынуждены для перевоплощения своего духа обращаться к иным сферам.

- Не понимаю, - сказал Ангел.

- А между тем это очень просто, - сказал гид. - Ведь всеми признано, что когда-то на земле не было жизни. Значит, первое воплощение - нас учили, что то была амеба - уже включало в себе дух, явившийся, возможно, свыше. Может быть, даже ваш, сэр. Далее, всеми также признано, что когда-нибудь на земле снова не будет жизни; а значит, последний дух ускользнет в какое-то воплощение уже не на земле, а, возможно, ниже; и опять-таки, кто знает, сэр, может быть, это будет ваш дух.

- Я не могу шутить на такие темы, - сказал Ангел и чихнул.

- Тут не на что обижаться, - сказал гид. - Последняя группа, крайняя левая, к которой я и сам в некотором роде принадлежу, состоит из небольшого числа экстремистов, полагающих, что "добро" - это вещи как они есть. Они считают, что все сущее было всегда и всегда будет; что оно лишь расширяется, и сжимается, и расширяется вновь, и так без конца; и что поскольку оно не могло бы расширяться, если бы не сжималось, поскольку без черного не могло бы быть белого, и не может быть ни удовольствия без боли, ни добродетели без порока, ни преступников без судей, постольку сжатие, и черное, и боль, и порок, и судьи - не "зло", но всего лишь отрицательные величины; и что все к лучшему в этом лучшем из миров. Это - оптимисты вольтерианского толка, притворяющиеся пессимистами для обмана простодушной публики. Их девиз "Вечное изменение".

- И они, вероятно, считают, что у жизни нет цели?

- Вернее, сэр, что сама жизнь и есть цель. Ибо согласитесь, при всяком ином толковании цели мы должны предположить свершение, то есть конец; а конца они не признают, как не признают и начала.

- До чего логично! - сказал Ангел. - У меня даже голова закружилась. Стало быть, вы отказались от идеи движения ввысь?

- Отнюдь нет. Мы взбираемся на шест до самого верха, но потом незаметно соскальзываем вниз и снова лезем вверх; а поскольку мы никогда не знаем наверняка, лезем ли мы вверх или скользим вниз, это нас не тревожит.

- Полагать, что так будет продолжаться вечно, - бессмыслица.

- Это нам часто говорят, - отвечал гид, нимало не смутившись. - А мы все же полагаем, что истина у нас в руках, несмотря на шуточки Пилата {Намек на евангельскую легенду о том, как Понтий Пилат,

римский наместник в Иудее, в ответ на слова Христа, что он пришел в мир свидетельствовать об истине, возразил: "Что есть истина?"}

- Не мне спорить с моим гидом, - надменно сказал Ангел.

- Разумеется, сэр, ведь широты взглядов всегда следует остерегаться. Мне вот нелегко верить в одно и то же два дня подряд. А главное - во что бы ни верить, едва ли это подействует на истину: она, как видно, обладает некоей загадочной непреложностью, если вспомнить, сколько усилий люди периодически прилагают к тому, чтобы ее изменить. Однако смотрите, мы как раз пролетаем над Столичной Скинией, и если вы будете так любезны сложить крылья, мы проникнем туда через люк-говорлюк, который позволяет здешним проповедникам время от времени возноситься в высшие сферы.

- Погодите! - сказал Ангел. - Я сначала сделаю несколько кругов, пососу мятную конфетку: в таких местах у публики часто бывает насморк.

Распространяя вокруг себя соблазнительный запах мяты, они нырнули вниз через узкие ворота в крыше и уселись в первом ряду, пониже высокого пророка в очках, который держал речь о звездах. Ангел тут же уснул крепким сном.

- Вы лишили себя большого удовольствия, сэр, - сказал гид с укором, когда они покидали Скинию.

- Зато я славно вздремнул, - весело отозвался Ангел. - Ну что может смертный знать о звездах?

- Поверьте, обычно для таких речей выбирают еще более замысловатые темы.

- Вот если бы он говорил о религии, я бы охотно послушал, - сказал Ангел.

- О, сэр, но таких тем в храмах больше не касаются. Религия теперь чисто государственное дело. Перемена эта началась в девятьсот восемнадцатом году, когда была введена дисциплина и новый билль о просвещении, а потом постепенно кристаллизовалась. Правда, отдельные правые экстремисты пытаются присвоить себе функции государства, но их никто не слушает.

- А бог? - спросил Ангел. - Вы о нем ни разу не упомянули. Это меня удивляет.

- Вера в бога, - отвечал гид, - умерла вскоре после Великой Заварухи, во время которой прилагались слишком энергичные и

разнообразные усилия к тому, чтобы ее оживить. Как вы знаете, сэр, всякое действие вызывает противодействие, и, нужно сказать, религиозная пропаганда тех дней так отдавала коммерцией, что была сопричислена к спекулятивным сделкам и заслужила известное омерзение. Ибо люди, едва оправившись от страхов и горя, вызванных Великой Заварухой, поняли, что их новый порыв к богу был не более как поисками защиты, облегчения, утешения и награды, а вовсе не стремлением к "добру" как к таковому. Вот эта-то истина, да еще присвоение самого титула императорами и рост наших городов (этот процесс всегда губит традиции) привели к тому, что вера в его существование угасла.

- Трудное это было дело, - сказал Ангел.

- Скорее это было изменение терминологии, - пояснил гид. - В основе веры в "добро" тоже лежит надежда что-нибудь на этом заработать, - дух коммерции неистребим.

- Разве? - отозвался Ангел рассеянно. - Может, позавтракаем еще раз? Я бы не отказался от куска ростбифа.

- Превосходная мысль, сэр. Мы закажем его в Белом городе.

IX

- В чем, по-вашему, состоит счастье? - спросил Ангел Эфира, допивая вторую бутылку пива в одном из кабачков Белого города. Гид недоверчиво покосился на своего Ангела.

- Тема трудная, сэр, хотя наиболее интеллигентные из наших журналов часто печатают ответы читателей на этот вопрос. Даже сейчас, в середине двадцатого века, кое-кто по-прежнему считает, что счастье - побочный продукт свежего воздуха и доброго вина. В старой веселой Англии его, несомненно, добывали именно таким путем. По мнению других, оно проистекает из высоких мыслей и низкого уровня жизни, а третьи, и таких довольно много, связывают его с женщинами.

- С наличием их или отсутствием? - живо поинтересовался Ангел.

- Когда как. Но сам я не присоединяюсь целиком ни к одному из этих мнений. - Страна ваша теперь счастлива?

- Сэр, - возразил гид, - все земное познается в сравнении.

- Объясните.

- Объясню, - строго сказал гид, - если вы сперва разрешите мне откупорить третью бутылку. И замечу кстати, что даже вы сейчас счастливы лишь в сравнительной, а может, и в превосходной степени - это вы узнаете, когда допьете последнюю бутылку до дна. Может, счастье ваше от сего увеличится, может, нет - посмотрим.

- Посмотрим, - решительно подтвердил Ангел.

- Вы спросили меня, счастлива ли наша страна; но не следует ли сначала установить, что такое счастье? А как это трудно, вы скоро и сами убедитесь. Вот, например, в первые месяцы Великой Заварухи считалось, что счастья вообще нет: каждая семья была повергнута в тревогу за живых или в скорбь о погибших; а остальные тоже считали своим долгом притворяться скорбящими. И, однако, сколь это ни странно, в те дни внимательный наблюдатель не мог уловить никаких признаков усилившейся мрачности. Кое-какие материальные лишения мы, конечно, испытывали, но зато не было недостатка в душевном подъеме, который люди возвышенной души всегда связывают со счастьем; причем я отнюдь не имею в виду душевный подъем, вызываемый алкоголем. Вы спросите, что же вызывало этот подъем? Я вам отвечу в восьми словах: люди забывали о себе и помнили о других. До того времени никто и не представлял себе, скольких врачей можно оторвать от забот о гражданском населении; без скольких священников, юристов, биржевых маклеров, художников, писателей, политиков и прочих лиц, считавших делом своей жизни заставлять других копаться в собственной душе, свободно можно обойтись. Больные старухи вязали носки и забывали о своих немоцах; пожилые джентльмены читали газеты и забывали ворчать по поводу невкусного обеда; люди ездили в поездах и забывали, что неприлично вступать в разговоры с посторонними; торговцы записывались в добровольную полицию и забывали спорить о своем имуществе; палата лордов вспомнила о своем былом достоинстве и забыла о своей наглости; палата общин почти забыла свою привычку пустословить. Поразительнее всего случай с рабочими: они забыли, что они рабочие. Даже собаки забыли о себе, хотя это, впрочем, не ново, как то засвидетельствовал ирландский писатель в своем потрясающем обличении "На моем пороге". Но время шло, и куры, со своей стороны, стали забывать нести яйца, корабли - возвращаться в порт,

коровы давать молоко, а правительства - смотреть дальше своего носа, и вскоре забвение себя, охватившее было всех людей в стране...

- Было предано забвению, - закончил Ангел со спокойной улыбкой.

- Моя мысль, сэ, хотя я не сумел бы выразить ее столь изящно. Но так или иначе, поворот наметился, люди стали думать: "Война не так страшна, как мне казалось, ведь я еще никогда не наживал столько денег, и чем дольше она продлится, тем больше я наживу, а ради этого можно многое перенести". Все классы общества взяли себе одинаковый девиз: "Ешь, пей - все равно скоро крышка". "Если завтра меня застрелят, утопят, разбомбят, разорят или уморят с голоду, - так рассуждали люди, - лучше уж я сегодня буду есть, пить, жениться и покупать бриллианты". И они так и поступали, несмотря на отчаянные усилия одного епископа и двух джентльменов, ведавших немаловажным вопросом питания. Правда, они, как и раньше, делали все возможное, чтобы разбить врага или "выиграть войну", как это тогда не совсем точно называли, но работали только их руки, а души, за немногими исключениями, уснули. Ибо душа, сэ, так же, как и тело, требует время от времени отдыха, и я даже замечал, что обычно она первая начинает храпеть. Еще до того, как Великая Заваруха пришла к предначертанному ей концу, души в нашей стране храпели так, что на луне и то было слышно. Люди только и думали что о деньгах, о мести и о том, как бы добыть еды, хотя слово "жертва" так пристало к их губам, что стереть его было не легче, чем другие сорта губной помады, которая тогда все больше входила в моду. Многие очень повеселели. И вот я хочу вас спросить: какой из этих критериев следует приложить к понятию "счастье"? Когда эти люди были счастливы - тогда ли, когда скорбели и не думали о себе, или когда веселились и только о себе и думали?

- Конечно, первое, - сказал Ангел, и глаза его загорелись. - Счастье неотделимо от благородства.

- Не торопитесь с выводами, сэ. Я часто встречал благородство в сочетании с горем; более того, часто бывает, что чем возвышеннее и тоньше душа, тем несчастнее ее обладатель, - ведь он видит тысячи проявлений жестокости и подлой несправедливости, которых более низкие натуры не замечают.

- А вот я замечаю, - сказал Ангел, бросив на него проницательный взгляд, - что вы чего-то не договариваете. Ну-ка, признавайтесь!

- Вывод мой таков, сэр, - сказал гид, очень довольный собой. - Человек счастлив только тогда, когда живет под определенным жизненным давлением на квадратный дюйм; иными словами, когда он так увлечен своими делами, словами, мыслями, работой или мечтами, что забывает думать о себе. Если нападёт на него какая-нибудь хворь - зубная боль или меланхолия - столь острая, что не даёт ему раствориться в том, чем он в данную минуту занят, - тогда он уже не счастлив. И недостаточно только воображать себя увлеченным - нет, человек должен быть увлечен по-настоящему: как двое влюбленных, сидящих под одним зонтом, или поэт, подыскивающий рифму для двестишестидесяти.

- Вы хотите сказать, - заметил Ангел не без ехидства, - что человек счастлив, когда встречает на узкой дорожке бешеного быка? Ведь в таком случае давление на квадратный дюйм должно быть немалое.

- Вовсе не обязательно, - возразил гид. - В таких случаях принято отходить в сторонку, жалеть себя и размышлять о превратностях судьбы. Но если человек не растеряется и проявит мужество, это доставит ему радость пусть даже в следующую минуту, перелетая через изгородь, он уже снова начнет размышлять. Для меня совершенно ясно, - продолжал гид, - что плод с древа познания в старинной басне не был всего лишь познанием пола, как до сих пор предполагали пуритане, но скорее символизирует познание себя и мира вообще; ибо я не сомневаюсь, что Адам и Ева не раз сидели под одним зонтом еще задолго до того, как обнаружили, что они не одеты. А счастливыми они перестали быть только тогда, когда задумались о мироздании в целом.

- Кто называет ключами к счастью любовь, кто власть, - проговорил Ангел.

- Не верьте, - перебил его гид. - Любовь и власть - это лишь два из многих путей к увлеченности, то есть к забвению себя; не более как методы, с помощью которых людям - различного склада удастся от себя избавиться. Ибо тем, кто, подобно святому Франциску Ассизскому, любит все живое, некогда сознательно любить себя; а

тем, кто бряцает оружием и властвует, как кайзер Билл, некогда осознать, что они не властны над самими собой. Да, именно потому, что они любят или властвуют так энергично, они и забывают в это время о себе.

- Это не плуто, - сказал Ангел задумчиво. - А как вы примените это к нынешним временам и к вашей стране?

- Сэр, - отвечал гид, - англичанин никогда не бывает так несчастен, как кажется, ибо если вы видите, что он хмурит брови или приоткрыл рот, то причиной тому скорее увлеченность, нежели задумчивость (об аденоидах я не говорю), а это признак природы, склонной забывать о себе. Не следует также предполагать, будто бедность и грязь, которой, как вы могли убедиться, сколько угодно и при правлении Трудяг, уменьшают способность жить минутой; возможно даже, что они суть симптомы этой привычки. Несчастливыми чаще бывают те, у кого чистое тело и много досуга, особенно в мирное время, когда им нечего делать, кроме как сидеть под шелковицей, помещать деньги, платить налоги, мыться, совершать полеты и думать о себе. Впрочем, многие Трудяги тоже живут в напряжении и страхе и отнюдь не отрешились от копания в собственной душе.

- Стало быть, демократия - не синоним счастья?

- Дорогой сэр, - сказал гид, - я знаю, что во время Великой Заварухи многие так говорили. Но говорили тогда столько, что чуть больше или чуть меньше уже не имеет значения. Я открою вам один секрет. Мы еще не достигли демократии - ни здесь, в Англии, ни где бы то ни было. Старинная американская поговорка относительно нее звучит очень мило {Имеется в виду распространенная в США формула "Управление народом силами народа и в интересах народа".}, но поскольку даже у одного человека из десяти нет собственного мнения ни по одному из тех вопросов, по которым он голосует, он при всем желании не может это мнение выразить. А до тех пор, пока он не научится иметь и выражать собственное мнение, он не сможет управлять собой для себя, что, как вы знаете, и составляет признак истинной демократии.

- Я что-то совсем запутался, - сказал Ангел. - Вам-то самому что нужно для счастья?

Гид гордо выпрямился на стуле.

- Если справедливо мое мнение, что счастье есть увлеченность, замурлыкал он, - то значит, наша задача в том, чтобы заставить людей увлекаться делами добрыми и приятными. Американец, составляющий корнер на пшеницу, увлечен этим и, вероятно, счастлив, однако он враг человечества, ибо деятельность его пагубна. Мы должны стремиться к тому, чтобы посвящать себя творчеству или деятельности, полезной не только для нас, но и для других. Стремиться к простоте, гордиться своей работой и забывать о себе независимо от того, кто мы такие. Мы должны делать то, что делаем, потому что это приятно, а не потому, что это может оказаться для нас выгодно, и учиться отдавать все силы тому, что делаем. Только тогда наш вкус к жизни останется острым, как лезвие бритвы, которую каждое утро правят умелой рукой. А с другой стороны, нужно приохотить нас к доброте, чистоте, умеренности, научить любить хорошую музыку, гимнастику и свежий воздух.

- Звучит неплохо, - заметил Ангел. - И какие же меры в этом направлении уже принимаются?

- Я взял за правило, сэр, знакомиться со всеми законами моей страны касательно просвещения, начиная с того, который был издан во время Великой Заварухи; но если не считать гимнастики, я пока не нашел в них ничего, что непосредственно относилось бы к этим вопросам. Да оно и не удивительно, если вспомнить, что целью просвещения считается не достижение счастья, а процветание торговли, либо содействие обостренному самосознанию с помощью того, что зовется культурой. Если бы даже появился президент Просвещения столь просвещенный, что он разделял бы мои взгляды, он бы не решился высказать их вслух из опасения, что его упекут в сумасшедший дом.

- Вы, значит, не верите в прогресс вашей страны?

- Сэр, - ответил гид очень серьезно, - вы сами посмотрели эту страну и получили от меня кое-какие сведения о ее развитии за то время, что прошло с вашего последнего посещения Земли незадолго до Великой Заварухи. От вашего орлиного взора, вероятно, не укрылось, что под влиянием этого важного события темп ее жизни несколько ускорился. Отметим вы, вероятно, и то, что, вопреки самым благим намерениям, высказанным в конце этой трагедии, мы

отдались на волю обстоятельств и во всех областях жизни пошли по линии наименьшего сопротивления.

- Этому я в общем сочувствую, - сказал Ангел и зевнул. - Так легче жить.

- Вот и мы к этому пришли; и пожалуй, нам живется не так уж плохо, если вспомнить, с чем только не пришлось и не приходится бороться: бремя долга; легкие наслаждения; презренный металл; партии; патрио-пруссачество; народ; ученые мужи; пуритане; прокторы; собственность; философы; духовенство; и, наконец, прогресс. Однако не скрою от вас, что от совершенства мы еще очень далеки; и, возможно, через тридцать семь лет, когда вы посетите нас снова, будем от него еще дальше. Ибо не знаю, как в мире ангелов, сэр, а в мире людей ничто не стоит на месте; и, как я уже пытался вам разъяснить, для того, чтобы продвигаться вперед и физически и духовно, необходимо подчинить себе и свою среду и свои изобретения, а не подчиняться им. Пусть мы снова стали богатыми; здоровыми и счастливыми мы пока не стали.

- Я допил бутылку и готов вознестись, - решительно произнес Ангел Эфира. - А вы ничего не пьете? Ну что ж, тогда давайте я вам напишу рекомендацию!

Он выдернул перо из своего крыла, окунул в горчицу и написал на белой шляпе гида: "Капли в рот не берет - один вред для торговли".

- Теперь я покидаю Землю, - добавил он.

Рад это слышать, сэр, - сказал гид, - чем дольше вы здесь пробудете, тем вульгарнее станете выражаться. Я уже давно заметил, что к этому идет, да и по себе знаю.

Ангел улыбнулся.

- Встречайте меня один, при свете солнца, у левого льва на Трафальгар-сквер, в этот же день и час, в тысяча девятьсот восемьдесят четвертом году. Привет официанту. Всего! - И, не дожидаясь ответа, он расправил крылья и воспарил.

- *L'homme moyen sensuel! Sic itur ad astra!* {Самый обыкновенный земной человек! (франц.) Таков путь к звездам! (лат.)} - загадочно прошептал гид и, подняв голову, еще долго смотрел вслед Ангелу, уносящемуся в Эмпиреи.

1917-1918 гг.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)